

«МОЯ КНИГА»

- Книги для детей и взрослых
- Канцелярия в ассортименте
- Подарочные издания, сувениры
- Краеведение, ретрооткрытки
- Наборы для детского творчества
- Развивающие игры

Мы ждём Вас по адресам:

ул. Советская, д. 11
тел.: 8-900-495-79-35
ул. Ореховая, д. 7
тел.: 8 (4752) 58-31-61

Друзья!

Торговое предприятие «Моя книга» сегодня - единственное в нашем регионе, которое реализует не только книги местных авторов, но и живописные работы как начинающих, так и маститых художников. Кроме того, книжный магазин поддерживает по своему уникальное издание - «Рассказ-газету». Только здесь её можно приобрести, причем совершенно бесплатно. Газета рассчитана на широкий круг читателей, но при этом она развивает художественный вкус, знакомит с новыми произведениями писателей, краеведов, культурологов, чьё творчество так или иначе связано с Тамбовщиной.

www.m-kniga68.ru

Рассказ-газета

№ 11 2017 год

Издаётся с 1991 года

ИНТЕРВЬЮ

Пророк в науке

В областном центре переиздана уникальная книга «Тамбовия Вернадских». Она о целой династии Вернадских (дед Василий Иванович, отец Иван Васильевич, сын Владимир Иванович и внук Георгий Владимирович). Род Вернадских внёс значительный «вклад в копилку» культуры Тамбовского края. Самая большая глава в этой книге о жизни и творчестве Владимира Ивановича Вернадского.

Мировое ученое сообщество признает, что Владимир Иванович Вернадский входит в когорту людей, которые во втором тысячелетии изменили не только ход истории, но мировоззрение человечества. Не менее уникальна и личность самого учёного. Всё это стало предметом нашего разговора с автором литературно-краеведческого эссе Евгением Буковским.

- Евгений Михайлович, чем вызвано переиздание книги о Вернадском?

- Причин несколько. Во-первых, в 2018 году мы отмечаем 155 лет со дня рождения Владимира Ивановича Вернадского. Надеюсь, что книга станет хорошим подарком не только ученым и представителям обществу, но и всему депутатскому корпусу тамбовского края. Думаю, не лишним будет напомнить, что Вернадский 17 лет был «единственным не молчащим» земским и губернским депутатом. Можно отдельную книгу посвятить этому направлению деятельности учёного, который в буквальном смысле слова спасал людей от голодной смерти. Например, в 1892 году на Тамбовщине была страшнейшая засуха. Вернадский со своими товарищами открыл 251 столовую для крестьян, помогал погорельцам, закупал для бедствующих крестьян скот, инвентарь...

Обложка книги о жизни и творчестве Владимира Вернадского.

Тамбов и окрестности

Большим событием 2017 года в Тамбове стал выход книги «Тамбовская губерния на дореволюционных открытках. Том 1. Тамбов и окрестности», в основу которого положена частная коллекция Дмитрия Гнатюка. Автор книги Марина Климова рассказывает, что идея издания — рассказать о губернии, запечатлённой на почтовой карточке век назад, и попытаться воссоздать образ времени рубежа эпох в архитектуре, градостроительстве, лицах и документах. Открытки представляют собой памятник 100-летию ушедшей эпохи, канувшей в лету в связи с революционными событиями 1917 года.

Первый том «Тамбов и окрестности» состоит из трёх частей: очерков по архитектуре и градостроительству, основанных на архивных источниках; главе об истории открытки; полного каталога открыток с краткими данными. Изобразительный ряд дополняют дореволюционные планы Тамбова и фотографии. Открытки представлены с оборотными сторонами и текстами писем, которые придают образу эпохи неповторимый колорит.

В общей сложности в книге насчитывается около 1500 иллюстраций, из них более 900 открыток с видами Тамбова и окрестностей. Все изображения относятся к дореволюционному периоду.

Впервые осуществляется издательский проект, рассказывающий о Тамбове и об уездных городах Тамбовской губернии через виды на открытках. За первым томом последуют следующие книги, которые будут посвящены Козлову, Моршанску, Кирсанову, Липецку, Лебедяни, Борисоглебску и другим населённым местам.

Сегодня пяти тысячный тираж книги распространяется по России и далее, точно так же как раньше путешествовали почтовые карточки.

Иван ЛОМОВЦЕВ

ПРОДОЛЖЕНИЕ НА СТР. 3

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

«Рассказ-газета» активно популяризирует уникальные литературные и краеведческие проекты. Об одном из них - издание книги «Тамбовская губерния на дореволюционных открытках. Том 1. Тамбов и окрестности» - мы подробно рассказывали в одном из номеров «РГ». Но эта книга вызвала небывалый интерес как среди специалистов, так и простых любителей истории родного края. Поэтому

мы решили еще раз вернуться к этой теме, но уже в нетривиальной форме. На внутренних полосах «РГ» мы разместили некоторые открытки из коллекции Дмитрия ГНАТЮКА, которые вошли в эту книгу. Сочетание современности и старины - эстетический принцип редакции «РГ».

Олег АЛЁШИН

Тамбовские страдания

Очерк

«Рассказ-газета» продолжает публиковать уникальные очерки Аркадия МАКАРОВА о тамбовских литераторах.

Если фамилия что-то говорит о человеке, то о Семёне Семёновиче Милосердове фамилия сказала всё.

Милосердов был очень мягким и лёгким в обращении человеком, деликатным, не сломленным ни одиночной камерой смертников, ни лагерным униженным существованием.

Много чего рассказывал Семён Семёнович о себе в редкие минуты откровения. Так получилось, что я много раз был его внимательным и признательным слушателем.

Поэт никогда не жаловался на свои бесполезно истраченные за колючей проволокой и на лесоповалах годы. Наверное, действительно, страдания очищают и возвышают человека, как говорит Священное Писание.

Мне никогда не приходилось видеть его недоброжелательным к кому-либо. А это, признаться, в среде писателей многого стоит.

О своих лагерных злоключениях Семён Семёнович Милосердов рассказывал с мягким юмором и короткими смешками. Но во всех его тюремных байках проскальзывала тихая грусть. Как будто лёгкий дождичек источался из его слов, — там он был молод, талантлив, но со связанными за спиной крыльями.

Полученная на войне рана искалечила его ногу, но в зоне это не давало никакого снисхождения и преимущества. Там были другие законы и понятия. За пайку надо было ломиться и так горбатиться, что не разогнёшься до самой смерти. Вольготное жильё только уголовным авторитетам, вора́м в законе, для которых труд — «запахло». Пайку с добавкой им зарабатывали такие, как Семен Семёнович — «мужики» по лагерному кодексу. У авторитетов всегда — «пайка с маслом и водка с квасом» — говорил, посмеиваясь, бывший зек, поэт Милосердов. «Мужик Семён» — так называли его в лагере.

Кроме утробистой физической работы, у Семёна Семёновича была ещё и негласная обязанность — помогать писать друзьям по несчастью прошения о помиловании. Многие его «ходатайства» за «мужиков» получали положительные решения у прокуроров, и Милосердов занимал впоследствии среди солагерников такой авторитет, настоящее уважение, которое ни в коей мере не равнялось на авторитет воров в законе, но всё-таки приносило поэту послабление от товарищей.

Блатные, наслушавшись баек о писательских талантах «мужика Семёна», нанимали его писать душещипательные

письма-«малывы» своим оставленным на свободе подельникам и «марухам», за что «мужик Семёну» разрешалось разделять трапезы с авторитетами. В лагерных условиях — невиданное дело!

Блатные «мужиков» не трогали, но и рядом с собой не сажали. Каста не та. А «Семёна» угощали на равных, значит, тоже признанный авторитет, хотя и не блатной.

Слава о «мужике Семёне» расходилась по лагерю, как чифир по кругу.

В уголовной среде держит «масть» сила, а её, этой силы, у Милосердова, израненного и искалеченного, не то чтобы маловато, а совсем ничего. А тут, как на грех, по лагерю почин объявился.

Рассказывая об этом почине, Семён Семёнович поднимал голову, выскеркивая очками, и с таинственной улыбкой поглядывал в потолок.

Дело в том, что начальственная власть изощрённа и на выдумки горазда. Вот и придумали в политорганах ГУЛАГа хитроумный способ повышения норм выработки.

И действительно. После объявления этого почина плановые задания, и без того высокие, перекрываться стали на двести и более процентов.

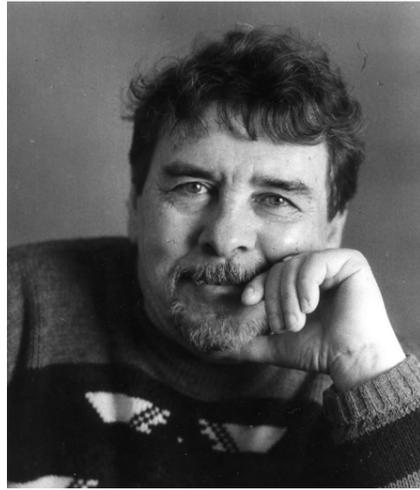
На лесоповальных участках такого до сих пор не случалось. Раньше работали только за пайку да за воров в законе, других стимулов не было, а теперь работали ещё и за «интерес». Лагерь завозился как улей. Отрядные только головами покачивали: «Ну, «мужики»! Кормёжка вроде всё та же, а сила изо всех щелей прёт! Вот те да! Вот те заманка!..»

Замысел начальника был психологически и физиологически выверен. Прост, как всё гениальное. Действовал безотказно.

Замысел состоял в том, что в двух километрах от мужского лагеря, где отбывал свою неосознанную повинность поэт Милосердов, располагалась женская колония, и это надо было как-то использовать в трудовом соревновании.

Женщины в основном работали на обрубке сучьев, веток, уборки территории лесоповала. Работа, надо сказать, тоже не из лёгких.

Женщин выводили из зоны и уводили обратно с работ до объявления «почина» в разное время с мужским лагерем, чтобы, не дай бог, двум колоннам не встретиться вместе. Мало ли что могло случиться? Остерегалось начальство эксцессов, боялось. А тут каждый день женщин стали водить таким образом, что дороги их с мужичками на короткое время пересекались. И тогда — захлёбывались горлом не только сторожевые собаки. Охрана для острастки стреляла поверх голов, но крики восторга унять да и перекрыть выстрелами не могла, а может, и не хотела. Даже давали команду

замедлить шаг. И что тогда было! Человеческий котёл взрывался слезами и смехом. Кричали все разное, но смысл был один — не пресекаемая и неуничтожимая тоска по естеству.

«Представь себе, — говорил Семён Семёнович, при этом глаза его за стёклами очков молодо загорались неизживаемым оптимизмом бывшего зека, — представь себе: после невыносимых ограничений — и невероятное! Мужики и бабы. И всё это на расстоянии вытянутой руки. Но — шаг в сторону считался побегом. Пуля с той или с этой стороны обеспечена. Не промахнётся, поделует — это уж точно, последним смертельным поделуем. Вот и кричали, исходили воплями обе колонны — видит око, да зуб неймёт... Конечно, изощрённость инквизиторская. Сатанинская. — Семён Семёнович теперь уже возмущённо поблёскивал очками. — Всё было выверено и рассчитано по законам биологическим. А тут и приказ-распоряжение зачитали по отрядам: победителей соревнования — это тех, кто в течение полутора даст не менее двухсот процентов выработки — ждёт «культпоход» в женский лагерь со всеми вытекающими отсюда последствиями, так сказать, — Милосердов улыбнулся своим воспоминаниям. — Начальство закамуфлировало встречу этих двух миров, говоря проще — мужиков и баб, под обмен опытом в художественной самостоятельности. Ну, мужики и пошли вкальвать! За двойную пайку так не горбатились. За месяц квартальный план выполнили. Женщины — великая сила! Ха-ха-ха! — Семён Семёнович, сняв очки, стал протирать подмокшие глаза, наверное, не всё так было смешно...

Надо сказать, Семён Семёнович Милосердов, несмотря на лагерное прошлое, «феней» никогда не пользовался. Интеллигент — он и в Африке интеллигент.

От неумных матерных слов Милосердов всегда морщился и останавливал под каким-нибудь предлогом матерщинника. Ну, никак не прививалась к нему эта наука русского словотворчества.

Бережное отношение к слову переносилось им и на поэзию, в его стихи, в чём можно убедиться, открыв на любой странице его сборники. Берёт он слово, не

транжирил понапрасну.

С той же бережливостью относился он и к женщине. Поэтому красочный рассказ его о встречном обмене передовиков обошёлся без крутого перчика и клубнички.

— Так вот, — улыбался Милосердов, — отобраны лучшие из лучших — ударники подневольного труда. Не обошлось, конечно, и без блатняков. Те не утомлялись, но очень рвались в женскую колонию. «Марухи — говорили, — у нас там. Нам никак нельзя. Нам повидаться надо. Поквитаться. Приласкать кого надо. Должок спросить».

В лагере без блатняков ни один почин не бывает. Паразиты, одним словом. За ними сила воровских законов. Поддержка. Ну, вот, — продолжает Семён Семёнович, — приехали. Как только мы вышли на сцену, так нам и показать свою самостоятельность, попеть-поплясать не дали. Со сцены женщины нас на руках выносили. Поплыли эти танцоры с певунами и мастерами художественного слова. Заначки, они и в лагере заначки. Щелей и чуланчиков разных много. Вот и рассредоточились. А кому не досталось укромного места, так и под небом хорошо, лучше не бывает — Семён Семёнович смеётся лукаво, весело. Наверное, поозорничать и ему пришлось. Вспомнил вот, и снова мальчишкой стал, вроде и не было обид и страданий лагерной жизни. — Вохровцы, — говорит откашлявшись Милосердов, — потом почти целые сутки собирали счастливых. Неумеренность даже в этом деле сыграла плохую службу. После этого указ вышел о переводе начальника лагеря куда-то на юг Ледовитого океана. Далеко. Так и остался почин этот без продолжения. Не поняли начальники в Москве душевных порывов. Не получилось. Так вот...

Вспоминая этот рассказ, я и теперь вижу сверкающие очки и задорное, запрокинутое к небу, по-русски добродушное лицо Семёна Милосердова. Он всегда парил выше уровня горизонта, какие бы трудности ему ни встречались. Но к быту, обыденным вопросам жизни он, как мне казалось, был мало приспособлен, что можно подтвердить одним характерным случаем: однажды встретив меня на улице, Семён Семёнович посетовал на то, что в такую жару он не может принять душ — что-то случилось с краном.

Ну, кран, водопровод. Батарей отопления, железяки всякие — были как раз по моей специальности. Только инженерный институт окончил.

— Проще простого! — говорю я Семёну Семёновичу. — Ставь бутылку, и кран будет работать как у молодого! — ёрничаю.

— Ну, бутылки у меня нет, а вот спиртику пузырёк найду. Пошли!

Приходим на его новую, большую, в три комнаты квартиру. Он заводит меня в ванную комнату.

— Смотри! — отвернул кран.

Из сверкающего никелем крана душевой установки только как из простуженного детского носика сопелька бежит. И — всё.

Каково же было его удивление, когда

я прямо на его глазах легко отвернул блестящую коронку на кране, освободил седёлку клапана от окалины, и мощная струя загудела, запела, ударяясь о дно ванны. И мы с Семён Семёновичем тоже ударили по рукам.

Спирт — вещь ходовая в любое время. Разве откажешься? Но сам хозяин моего энтузиазма насчёт питья поддерживал только в самых маленьких количествах, сославшись на здоровье. Может быть, поэтому я в тот день оказался далеко-далеко от дома и в не совсем уютной обстановке. О чём и рассказывать не хочется.

Семёна Семёновича не могли испортить ни военные годы, ни годы лагерей, где редкий человек не ломается. Пил он всегда умеренно. И то только сухие и слабые вина, которыми мы, его младшие товарищи и почитатели, всегда пренебрегали, испорченные волей и безотцовщиной.

Несмотря ни на что, поэт Милосердов любил молодых и всячески опекал нас, был снисходителен, но и по-товарищески требователен.

Первым, от кого я услышал добрые слова о себе, был, конечно, Семён Семёнович. Не раз мои стихи появлялись в областной печати с его напутствующими строчками, что в настоящее время встречается редко, а зря. Добрые творческие высказывания старших окрыляют и вселяют веру в собственные силы.

Но что говорить? Теперь и времена другие, и нравы...

Мне до сих пор памятен тот день, когда Милосердов поздравил меня по телефону и радостно сообщил, что в обширной академической работе Института Русской литературы «История советской поэзии за 1941—1980 годы» есть упоминание и о моём творчестве. Милосердов весело шутил, мол, задаваться теперь станешь, в классики вышел! Нам, старикам, и руки не подашь. Но это было сказано от всей щедрости и благодушия доброго человека, безо всяких подначек, на которые так богата творческая братия.

Семён Семёнович был романтиком с головы до пяток. Мог восторгаться чужими стихами, так, как будто только что написал их сам. Но иногда и поругивал: «Аркадий, не говори красиво!» — и хлопал меня по плечу, повторяя слова одного из героев Островского, когда я, захлёбываясь эпитетами, увлечённо читал ему при встречах что-нибудь своё новое.

Я обижался, но Семён Семёнович был абсолютно прав всегда. Излишняя метафоричность делала тогдашние мои стихи подобием развесистой клюквы, кружев разных...

Но как радовался Милосердов, когда кому-то из наших молодых удавалось сказать своё неповторимое слово: Семён Семёнович в этом отношении был настоящим педагогом, умным и благожелательным. Недаром же он до конца своих дней вёл литературное объединение «Радуга». Это объединение было настоящей школой для начинающих писать. Теперь об этом, увы, осталась одна память...

... Любопытно, что на первое место он ставил не вопрос ликвидации бедности, а повышение культуры русского крестьянства, в том числе и земледельческой. Только в этом случае может существенно подняться благосостояние простого народа.

Лишь в 80 лет он получил Сталинскую премию (первой степени - 200 000 рублей). Вернадский половину средств, как тогда было положено, перевёл на содержание Красной армии, другую половину раздал нуждающимся семьям, пострадавшим от репрессий. Кстати сказать, у него были непростые отношения со Сталиным, который вынужден был считаться с мировым именем учёного.

Интересен тот факт, что в годы политических репрессий Вернадский ушёл со всех административных постов, оставаясь только научным консультантом (чтобы не участвовать в «чистках»). В это же время он был избран членом геолого-географического, химического, физико-математического отделений Академии Наук. Когда был арестован геохимик Александр Михайлович Симорин, его ученик, он неоднократно писал в органы и в Президиум Верховного Совета СССР, требуя освободить «талантливого учёного, прекрасного научного работника». До конца жизни Вернадский продолжал считать Симорина своим сотрудником, вёл с ним переписку и отказывался подписывать приказ о его увольнении.

Примеров подлинного служения людям в его биографии предостаточно.

Вторая причина переиздания книги — новые документы, обнаруженные в Тамбовском архиве, которые также посвящены жизни и деятельности Владимира Ивановича.

Кстати, в записниках мы обнаружили его художественное произведение о биосфере, которое он посвятил своей невесте, может быть, поэтому эта новелла называется «Всё для Вас» (1886 год). Произведение еще нигде не опубликовано, о нём не знают ни в Москве, ни в Санкт-Петербурге. Рукопись состоит из 12 страниц. К сожалению, нет концовки, возможно, автор не успел её закончить, но не исключено, что несколько листов рукописи было просто утеряно. Интересно, что это единственная художественная работа из 473 его научных публикаций.

И последняя, самая важная причина переиздания книги — это популяризация

Начало на стр. 1

Пророк в науке

ИНТЕРВЬЮ

учения Вернадского. К сожалению, в нашей стране и области большинство людей имеют весьма далёкое представление о вкладе учёного в развитие мировой науки.

- В серии ЖЗЛ выходила книга о Вернадском. Что Вас изначально побудило взяться за перо?

- Геннадий Аксёнов, автор книги, о которой вы говорите, в целом рассказал о жизни и деятельности Вернадского. Моя книга основана на краеведческих материалах, в этом её своеобразие, надеюсь, ценность.

Дело в том, что мне довелось стоять у истоков создания музея-усадьбы Вернадского в Моршанском районе, но, к сожалению, реставраторам и строителям так и не удалось воссоздать творческую атмосферу, в которой жил и трудился Вернадский. Учёный был чужд барского образа жизни. Например, он по много лет носил одну и ту же одежду, даже мебель с одного места жительства в другое, но это не скупость, напротив, желание быть в быту весьма скромным и неприхотливым человеком. «Минимум для себя, максимум для других и чужую боль воспринимать, как свою». Вот под таким девизом он жил и трудился. Это говорит о том, что Вернадский был не только высокообразованным, но и высоконравственным человеком. Со своей супругой Наталией Егоровной прожил более 50 лет. Очень тяжело перенёс её кончину.

При проектировании усадьбы было допущено много неточностей и ошибок, некоторые материалы, связанные с жизнью и деятельностью учёного, были просто не изучены. Многие делались непродуманно, впопыхах. Все это можно выразить одним словом — популизм.

Поэтому мне хотелось до мельчайших подробностей донести до читателей образ Владимира Вернадского, дух времени, в котором он работал, рассказать о ярких эпизодах его жизни. Насколько мне это удалось, судить, конечно, читателю, но отсебятины в книге нет никакой, все мои суждения базируются на архивных источниках.

-Насколько мне известно, Вы были одним из инициаторов установки

памятника Вернадскому в Тамбове?

- Да, я считал, что Тамбов только выиграет, если в городе появится такой памятник, но его, на мой взгляд, установили совершенно не в том месте. Вернадский олицетворяет собой науку, поэтому он органично смотрелся бы на фоне университета, а не у ограды автогородка.

- Мы не будем раскрывать все детали биографии Вернадского, а также входить в тонкости его учения, чтобы сохранить интригу для читателей, но всё же в двух словах расскажите о том, что такое ноосфера?

- Ноосфера дословно — «сфера разума», где взаимодействуют общество и природа, а в её границах человеческая разумная деятельность становится определяющим фактором развития. Вернадский доказал, что человеческий интеллект способен изменить этот мир кардинально, вопрос только в векторе развития. Он полагал, что без нравственного обруча, сдерживающего негативные стороны человечества, увы, не обойтись.

Процессы, которые сегодня происходят в сфере искусственного интеллекта, он предсказал еще в XIX веке. Вернадский уже тогда стоял на пороге открытия процессов расщепления атома. Он занимался этим вопросом в Сорбонне (Франция). Владимир Иванович был одним из первых, кто понял огромную важность изучения радиоактивных процессов для всех сторон жизни общества. По вопросам ядерной энергии консультировал Сталина. Однажды вождь спросил у президента РАН Александра Несмеянова: «Мы строим коммунизм, о какой ноосфере все время говорит Вернадский?». «Не стоит обращать внимание, Вернадский уже пожилой человек...», - ответил он.

- Где можно приобрести Вашу книгу?

- Прежде хочу поблагодарить торговое предприятие «Моя книга» за содействие в издании «Тамбовия Вернадских».

Думаю, что совсем скоро книга появится на полках этого книжного магазина.

Олег АЛЕШИН

“ПОЭЗИЯ И СВЕТ”

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

НЕМНОГО АДА

В начальные времена, когда
вместе с человеком,
всё что было под солнцем,
было говорящим — птицы,
животные, деревья,
горы,
летающие звёзды —

в какой-то момент,
чувствуя, что его щекочет,
тревожит,
выдает что-то изнутри,
райское яблоко спросило себя:

— Кто это скребётся так
внутри меня, словно
желая погубить? —

И в ответ еле слышный голосок,
спокойный,
почти приятный:

— Ничего особенного: я червь,
то есть —
немножко ада...

6.03.2016

ЛЮБОВЬ И ВЗГЛЯД

1

Когда мы любили друг друга
и часто встречались глазами,
синь твоих перетекла в мои,
каризна моих перетекла в твои,

но в конце концов, к сожалению,
подтвердилось
сказанное в книгах: любовь —
не значит смотреть друг другу в
глаза,
а значит — смотреть в одном
направлении...

Да, расстались мы,
потерялись мы...

2

Как же мне не вспомнить?!
Как мне её не вспоминать?! — у неё
были синие глаза,
которым, кажется, я даже посвятил
стихи...

Сейчас
её глаза уже темно-карие — от
напряжённого взглядывания
во время нескончаемого гадания на
кофейной гуще...

30.04.2016

Существуют разные точки зрения на перевод поэзии. Кто-то стоит за буквальный перевод, слово в слово, кто-то отстаивает свободную интерпретацию, кто-то считает, что перевод вообще невозможен... В каждом из этих мнений есть своя правда. И каждый, кто занимается переводом, непременно сталкивается с проблемами, которые выводят его на целый букет сомнений. Но ведь сомнения посещают автора, когда он пишет и собственный текст!

Вообще говоря, стихотворение — любое — это один из возможных вариантов. Поэт остановился вот на этом, а мог бы отбросить его и принять другой вариант. Исследователи, работающие с черновиками, могут это подтвердить документально (правда, скоро, уже будет трудно найти черновики, компьютерная эра меняет в том числе и поэтическое письмо!).

Так вот, перевод — это, собственно, пересоздание текста на другом языке. Желательно, чтобы автор и переводчик совпадали в своих творческих позициях. Тогда им легче найти, так сказать, общий язык, в обсуждении перевода.

Я знаком с ситуацией с двух сторон — как автор и как переводчик. Мои стихи переводили на разные языки, и в ряде случаев переводчики обсуждали со мной варианты перевода, особенно это было в тех случаях, когда я сам мог прочитать на языке, но бывало и такое, что переводчик

на незнакомый язык подробно объяснял, почему он использовал то или иное слово, тот или иной синтаксический оборот (например, так было с японскими переводами).

Разумеется, я сам обращаюсь за помощью к авторам — и в тех случаях, когда относительно владею языком, и особенно когда приходится работать по подстрочнику. Практически получается соавторство.

Как в этом случае. Лео Бутнару — не только выдающийся поэт, но и выдающийся переводчик. Он перевёл на румынский сложнейшие тексты Велимира Хлебникова, Владимира Маяковского, Осипа Мандельштама, Марины Цветаевой и многих других русских поэтов.

Пересекаясь время от времени в поэтическом пространстве, мы немало говорили о румынской и русской поэзии — и классической, и новейшего времени. И о переводе в том числе. Представляя стихи иноязычного поэта в своем языке, ты представляешь целый мир — и собственно поэта, и его поэтической традиции, и вообще в целом его страны. И таким образом ты обогащаешь собственный поэтический ландшафт. Надо сказать, румынские литературные издания, выходящие в разных городах, охотно печатают переводы из других языков. Лео Бутнару переводил мои стихи для различных румынских журналов. И я рад представить стихи друга у себя на родине — в Тамбове.

НЕ ПРЕДВЗЯТО, ДЛЯ СРАВНЕНИЯ

I. XX век

Я вспоминаю о первых своих каникулах на море — после первого дня пришлось делать нечто впервые в жизни, что-то необычайно поэтическое: вытряхивать песок, застрявший между страницами книги, которую читал на пляже под палящим солнцем.

II. XXI век

Возвращаюсь с пляжа с экраном планшета и текстами, чуть-чуть поцарапанными песчинками берега морского.

19.04.2016

ПОЭЗИЯ И СВЕТ

По сравнению с божественной поэзией,
высокой,
можно сказать, что земная поэзия является искусственной.

Почти то же соотношение, как в случае с естественным светом и искусственным.

Оба необходимые...
Оба просветляющие...

8.03.2016

Лео БУТНАРУ (Молдова / Румыния)

Марина КУДИМОВА (Москва)

Коль скоро, согласно толковому словарю, понятие «вещь» толкуется весьма широко, и за одно из значений признаётся «отдельный предмет, изделие», то билет, дающий право проезда на каком-либо транспортном средстве, вещь безусловно является. Кто-то же его изготовил и придал ему товарную форму. Но вот следующее значение уже путает карты в этой игре. Потому что, принадлежит ли билет к «личному движимому имуществу» или таковым имуществом служит в глазах определённого типа государства временный держатель картонажно-бумажного изделия, решить спрощало затруднительно. Иван Карамазов намучился бы досыта в эпоху монополии МПС, пытаясь вернуть билет, а впоследствии, в эпоху РЖД, ему бы элементарно не хватило денег на покупку, без чего осуществить возврат и вовсе немисливо. Да Ивану Федоровичу такая блажь, скорее всего, и в голову бы не пришла.

Теперь немного в сторону, чтобы было куда вернуться. Древнегреческая мифология, конечно, не представляла собой нерасчленимый монолит. Были и варианты, и расхождения. И всё же вектор Большого Мифа был единонаправлен, и на его создание и систематизацию, казалось, работала сама история. Советская империя рухнула, может быть, потому, что единого мифологического цикла так и не создала. Даже глобальные замыслы — например, про «красных» и «белых» — раздираются изнутри на не связанные между собой фрагменты мифологием. Что уж говорить о середнячках, тем паче мелочёвке. Например, мифе о свободном передвижении. Дескать, сновали взд-вперёд, а теперь вот сидим безвылазно в своих «хрущёбах». Но, во-первых, большинство из побывавших хоть за Становым хребтом не добралось даже до Болгарии. То есть никогда не пересекало государственную границу.

Во-вторых, мои ровесники, родом с Поволжья, никогда не бывавшие в Нижнем или Саратове, тем более в Казани или Астрахани, единственный раз за жизнь зачем-то поехали в Крым. Там они сначала не нашли, куда встать на постой, затем пошли на пляж, где обгорели до шкварок, после чего безотлагательно засобирались восвояси. Трое суток они просидели на вокзале, попеременно отходя в туалет, а билетов всё не было. Домой вернулись — глядь, перестройка на дворе! Нет, товарищи дорогие, без образа — или призрака — билета ваша мифология ущербна. А ущербный миф — всего-навсего легенда. Частный случай. Расскажите, как билет добыли!.. То-то!

Мне, например, труден сам выбор варианта. Что интереснее: способы добытия проездного документа или путешествий без оного? Ибо отсутствие вещи в свободной продаже не означало — и поныне не означает — её небытия, но лишь демонстрирует предел человеческих возможностей. В одну высокотемпературную республику я, помню, улетела, предъявив начальнику аэропорта подложно запротоколированные сведения о начале массового падежа овец в совхозе имени Курман-Газы. Почему это прискорбное обстоятельство требовало

присутствия подателя сего на месте эпидемии, в справке не уточнялось. Бумага с печатью была самодостаточна.

Что до отсутствия билета, символизированного термином «автостоп», охота к перемене мест бросала меня из тамбура на буфер, из ящика для угля — в купе проводницы, где лежачее место было усечено на половину моего роста встроенным шкафом для хранения чайных принадлежностей. Главный признак российской демократии — голосование на дороге — опускаем. Там добрая воля подсаживающего первична и не ведёт ни к какой ответственности. Государственные транспортные монополии — дело другое. Однажды в районе дозаправки меня взяли «зайцем» на военно-транспортный «борт», летящий из района суперсекретного

Иван Карамазов и РЖД

Из цикла «Вещь не в себе»

космодрома. Закатали в брезент, кишащий нечеловеческими космическими блохами, которым члены экипажа, судя по тому, как кровососущие паразиты накинудись на новенького, смертельно приелись.

Пожалуй, из всех видов транспорта я не пользовалась только трубопроводным. Потому что я не газ — это раз, и потому, что панически боюсь узких и замкнутых проходов. Водные перевозочные средства я тоже употребляла как исключение — и потому, что «куда ж нам плыть!..», и, вопреки рождению под знаком Рыбы, по крестьянскому какому-то недоверию воде. Но поездом имя было легион, и везли они по совокупности дальше, чем остальные виды, и в итоге привозили домой. А билеты при этом в свободной продаже фигурировали только в пригородном масштабе, некоторое время поступая в руки из никелированных автоматов — прообразов нынешних терминалов, с которыми не всякий кандидат наук справится. И, выдавая им требуемую сумму, я часто думала, что когда-нибудь соберусь ехать на обычной электричке, а кассирша тихо ответит, неуязвимая в своём дупле: «Билетов нет!»

Никакой напряжённый график перевозок, никакое рекордное увеличение пассажиропотока не лишает фигуру билета эпохи Дефицита мистического налёта. Как Тень отца Гамлета никогда не материализовалась в непосредственно воскресшего Отца, так мечта о билете никогда не превращалась в билет-вещь. Я практически не помню момента, когда бы кассирша вопрекор популярной песне, хоть бы и тихо, ответила: «Билетов есть!» Гражданин Дефицит, введя понятие «вещи не в себе», махом оспорил гражданина вольного Кенигсберга Иммануила Канта. И, видимо, бессознательное соперничество с затворником из грядущего Калининграда побуждало Дефицит постоянно поворачивать головы своих подданных к звёздному — или беззвёздному — небу над ними. И не пускать туда. Собственно, это была универсальная модель искушения Дефицитом.

...Я пыталась выбраться из районного

центра Сампур, который, видимо, по праву звукового сходства, претендовал на братание с японским городком Саппоро, взвалившим на свои плечи XI Олимпийские игры, потому что попереёк магистральной улицы был натянут транспарант «Сампурцы приветствуют олимпийское движение!» Я морально вливалась в незримые ряды приветствующих, но марафонский пробег до областного центра был мне не под силу, рейсовый автобус пятый месяц находился в ремонте, местное автопредприятие в полном составе брошено на уборку яровых, а железнодорожное сообщение с ойкуменой не налажено за недосугом со времен гражданской войны. Так что всё упёрлось в гражданскую, но авиацию. Малую, но авиацию. То есть в небо. По сорокаградусной жаре я доплелась до поросшего выжженной стерней поля, которое и Нестеров, завершая «мёртвую» петлю, назвать лётным не рискнул бы. Где-то на обочине стояло сооружение, надпись на коем — «Аэропорт» — была сомнительна, как побратимство с олимпийским Саппоро. Но одну кассиршину головы я разглядела в очке с высокой степенью достоверности, так пришлось и профиль сооружения признать соответствующим вывеске.

- Билетов нету! - иного дебюта диалога ожидать мог только иноземец.

И это нетерпение её одинокого сердца, с учетом незанятости всего окоёма никаким посторонним предметом наподобие летательного аппарата, было точной проекцией положения дел: нету глобально, без изъятий. С детства чужаясь подобных обобщений, я попыталась локализовать проблему:

- А самолёт будет?

Причинно-следственная зависимость априорно выстраивалась на основании предыдущего опыта: был бы самолет, а посадочное место найдётся. Но кассирша, верная нравственному закону внутри неё, отповедала:

- А хрен его знает!

Как человек умудренный, она не пошла по пути взятия всей ответственности лично

на себя, вынеся верховное Знание вовне. Граница со смежной землей пролегла где-то за пределами взлётно-посадочной по замыслу полосы. Конечно, по ту сторону простиралась не Япония — Страна Восходящего Солнца. Зато абсолютное Знание всемогущего ядерного Хрена распространялось на райцентр Сампур.

- Домой на чём добираетесь? — спросила я кассиршу, понимая, что проделывать каждый день пешком путь, только что проделанный мною, штатному сотруднику не годится.

Как только тема вышла за рубеж билета, одинокая сиделица приобрела свойства почти дружелюбной собеседницы:

- А мужик зацепляет.

Не вдаваясь в подробности замысловатого глагола и стараясь не представлять его действие умозрительно, я задала следующий по логике вопрос:

- Где мужик-то?

- А вон — на тракторе пашет.

«Пахать» в смысле взрывания верхнего слоя земли по сезону было поздновато. Этот глагол служил общенародным синонимом труда.

- Чего ж мотора не слышно?

Кассирша посмотрела с выражением непередаваемым, заставившим меня незнамо отчего смутиться:

- Да спать, собака! — здесь я услышала то ли смех, то ли всхлип. — Зенки-то с утра залил. Цас будить примусь. Шабашить пора.

Итак, третий глагол был употреблён нетрадиционно, если следовать букве словаря, а не духу народа-языкотворца: «шабашить», по моим книжным представлениям, означало окончание опять-таки трудового, а не сновидческого процесса. Щелкнув невидимым тумблером, добрая жена включила динамик, который за отсутствием обстоятельств прямого назначения исполнял не оговоренные технической характеристикой функции. Насыщенный нежностью голос полился над полями да над чистыми:

- Беспробудный! Войну проспши! Ехай быстро — тут человек маётся! — такой альтруистической точности хватило бы иному литератору на премиальный роман.

Моя ли маета, родной ли трубный зов пробудили совесть ударника сельхозпроизводства, но где-то за межой взревело, застрочило, и минут через десять кудлатая голова с характерным наливом в лице выступила из кабины «Беларуси». Несмотря на недавнее и невольное пробуждение, голова одномоментно ухватила всю соль вопроса и спинула:

- Залазь! До трассы доброшу.

Где была эта трасса и как совершался бросок... Да стоят ли самые лихие подробности душевного порыва к добру и свету? И стоит ли объяснять, почему в бессмертной формуле русской беды — дураков и дорог — два «д» разведены по разные стороны? Почему дураки «и» дороги, а не дураки «на» дорогах? Так ведь дурак по русской дороге сам не проедет: его непременно должен везти умный. Он же — зачастую — пьяный или похмельный.

Иммануил Кант, никогда не покидавший Кенигсберга, диалектически прав: совсем не обязательно лететь в небо, чтобы чувствовать его над головой. Как совсем не обязательно иметь билет, чтобы ехать. Даже наоборот.

Окрестности Тамбова. Павлова избушка.

№ 111. Окрестности Тамбова около Железнодорожного моста.

Юрий МЕЩЕРЯКОВ

Отрывок из нового романа
«Меморандум Платова».

... Рваные, незаконченные мысли блуждали в голове Платова, не связывались, не соединялись, не давали ответа на обыденный вопрос: зачем? Зной. Зной внутри, в легких, снаружи — на лице. Но воздух абсолютно сухой, и это спасает, «мотор» работает ровно, как часы. Рваные мысли не останавливались, продолжали бесцельно блуждать, опускались до простых чисел. Тринадцатый день операции, к вечеру заберёмся на три тысячи, в батальоне уже пять убитых и снова тринадцать — раненых. Посреди размышлений все тот же обыденный вопрос: зачем? Должен же быть ответ...

После трёх тысяч рота начала спуск в долину.....

Утром взвод Платова напоролся на небольшой уютный кишлак Санги Хан, что расположился в долине Пирингаль, в широкой низине. Удалённый от горных склонов, открытый со всех сторон, кишлак хорошо просматривался и опасности для взвода не представлял. Больших домов-крепостей, как в Баграмской зелёнке, здесь не было. Шли легко, быстро, парами, один боец осматривает строение, другой прикрывает. Малые домишки-дувалы осматривали больше для формальности, чтобы в спину никто не выстрелил, над теми, что покрупнее, работали всем взводом. Общее прикрытие обеспечивал ротный, капитан Свиридов, со своей группой управления и с другим взводом, который он постоянно держал при себе.

В одном из дувалов, во дворе, благодаря восьмикратной оптике, Платов увидел афганца лет тридцати. Дом обложили раньше, чем тот сообразил, что происходит. Когда сообразил, попытался бежать, такова обычная реакция на страх — или бег, или ступор — но две короткие очереди заставили его остановиться с поднятыми руками. Бойцы у лейтенанта были правильные, выполнили то, что приказано, убивать духа команда не поступала. Растерянный, испуганный человек не пытался сопротивляться, но что он тут делал? Первое, что пришло Платову в голову — вернулся по хозяйским делам в свой кишлак, брошенный жителями несколько дней назад. Какой же он после этого горец, если вовремя не увидел целую роту шурави, рассыпавшуюся по всей долине? Разведчик? Разведчики осторожны и осмотрительны, поодиночке не действуют, да и не похож он был на душмана.

Свиридов, которого бойцы за глаза называли Быком, отнёсся к пленному с воодушевлением и, в отличие от Платова, разведчика в нём признал сразу, без колебаний.

-Душка притаился? Хорошо. Он-то нам и расскажет, что за дела тут в ущелье творятся. — Для большей ясности своих намерений он, не раздумывая, тяжёлым кулаком ударил афганца под дых. — Говорить будешь?

-Нис фамиди! Нис фамиди, — скорчившись, с трудом выдохнул пленный. Откуда ему было знать, что хочет, о чём говорит на своём языке этот страшный, покрытый красными пятнами кафир.

-Не понимаешь?
-А ну колись, сука. Кто такой, откуда, что делал в кишлаке?

Афганец что-то невнятно мычал в

Простые числа

ответ, пытался заработать снисхождение, что-то объяснить... Но у Свиридова, как у настоящего быка, уже наливались кровью глаза, его бесило, что он ничего не может понять из этого бормотанья.

-Товарищ капитан, — Платов, оставшийся посторонним наблюдателем, напомнил о себе ротному, — да он же неотесанный крестьянин, вернулся домой, к своему хозяйству.

-Или кто-то заставил его вернуться. Соображаешь, Платов? — Процедел он сквозь зубы. — Взводу — привал полчаса, пообедайте, а мы тут пока разберёмся с вражеским лазутчиком.

В пыльную комнату с разбитым окном, выбранную под временный штаб, шумно дыша, уже вваливался Малыгин, взводный сапёров, приданных роте. После подрывов на минах и гибели солдат инженерно-сапёрного батальона, в котором он служил, у него сложилось своё отношение и к душманам, да и ко всем афганцам, которым он упорно не доверял.

-Есть взводу привал!
-Разберёмся, допросим, а сапёр мне как раз и поможет, — ротный оглянулся на дверной проем, на Малыгина, — да, сапёр?

Тот молча кивнул в ответ и недобро взглянул на пленного.

-Курбанов! — Ротный крикнул в окно, за которым в тенёчке, привалившись вещмешками к стене, прикрыв глаза, лежали солдаты группы управления. — Сюда, сучонок! Быстро!

На узкой лестнице раздались неторопливые шаги, и вот уже ленивый, неопрятный солдат с упрощённым выражением лица застыл на пороге, пытаясь приложить руку к панаме.

- Курбанов, сколько раз говорил, не прикладывать руку на выходе. Будешь переводить, понял? И смотри, не дай бог, наврёшь, уши узлом завяжу.

Солдат на всякий случай испугался, кто его знает, этого Быка, вдруг и правда завяжет, он и здоровый, и без тормозов. Свиридов, собрав на лбу морщины, продолжал разыгрывать свой жестокий спектакль. По закону жанра обстановка в нём должна была постоянно нагнетаться. Курбанов переводил вопросы

ротного неумело, неточно, что-то бубнил, прожжёвывая, недоговаривая слова, иногда не понимая афганца и не задумываясь о том, что последует дальше. Ещё хуже ему давался обратный перевод на русский.

-Товащ каптан, он ничего не знает.
-Всё он знает, — ротный зло ударил афганца ногой, — ещё раз спроси, где скрываются духи, где его банда?

И Курбанов, и пленный были таджиками, но судьба афганского таджика его никак не беспокоила.

Пока шёл допрос, Платов, устроившись на разбитом ящике в соседней комнате и вытянув оттоптанные с утра ноги, прямо из банки ел гречневую кашу, подогретую его бойцами на костерке. Разговор за стеной постепенно переходил на крик и рычание, Свиридов устрасал афганца, бросая ему в лицо непередаваемые ругательства, обдавал несвежим дыханием, закон жанра продолжал работать. Голос Малыгина не был слышен. Потом замолчали и остальные, ненадолго установилась тишина, нарушаемая хрустом и шарканьем тяжёлых шагов.

-Упёртый... Ну и напрасно... Кончай его.

Дробно щёлкнул затвор. Ударил короткая очередь. Секундой позже Платов бросился в расстрельную комнату. Навстречу, чуть не сбив его с ног, вылетел с огромными испуганными глазами солдат Курбанов. Взводный сапёров Малыгин держал автомат стволом вниз, направленный на вздрагивающее тело афганца. В жуткой мгновенной тишине были слышны хрипы пробитых легких и бульканье уходящей крови.

-Жив, сучонок, — констатировал Свиридов.

Длинная очередь подбросила ватное тело, горячие гильзы ударили в грудь Платова, кислый запах пороха забил ноздри.

-А нах... он нужен. Ничего не знает, — оскалился Свиридов на своего взводного. — Слышь, Платов, армянское радио спрашивает: зачем надо знать военную тайну? Само и отвечает: чтобы было, что сказать на допросе. Как в воду смотрели.

-Олег... Зачем?
Слов не было, мыслей не было, не было даже эмоций, только этот обжигающий,

пульсирующий вопрос. И еще смутное ощущение, что всем, кроме него, Платова, известен правильный ответ.

-А что ты хотел? — волчий взгляд Малыгина пронизывал насквозь. — Они нас, мы — их. Всё просто.

На лице Платова отражался весь сумбур его переживаний, оно было открытой книгой с тем же единственным вопросом, с долгим многоточием, и Свиридов придержал свой уличный восторг, с трудом втиснув себя в образ строгого ротного командира.

-Добивай кашу и выдвигаемся. А это... потом обсудим. На войне как на войне.

Впереди был долгий день, и кашу, остывшую и потерявшую всякий вкус, Платов доел. Солдат должен быть сыт и готов к действию, тем более — офицер, а изорванный пулями труп врага с исходившей от него слащавой вонью — не повод отказываться от еды, надо набираться сил... Вернулись мысли... Что за допрос? Узнать, как зовут, откуда родом, кто родители, есть ли семья, дети — зацепить за живое. В конце концов, дать помолиться и выстрелить над головой. Заговорил бы. А так всё по Малыгину: око за око. И без результата. Чёрт, это я его сюда привёл... По большому счету, афганца было не жаль. Тот не кричал, не бился в истерике, ни о чём не просил, но почему-то с первых же минут хотелось стереть его из памяти.

Ближе к вечеру оседлали очередной хребет и пошли по нему вверх, удаляясь от Санги Хана, лёгкие опять дышали как кузнечные меха, сжигали адреналин, помогая забыть чертовщину уходящего дня. На ночном привале рядом с Платовым присел Свиридов. Теперь он был готов к командирскому внушению.

-Душман отказался сотрудничать, пришлось его ликвидировать. Вот и вся логика для отчёта. Можно добавить лирики: стойко держался. И что с ним делать, если он не признаётся, с собой таскать? Отпустить нельзя, сам понимаешь, сдаст или в спину выстрелит. Тебе уже стреляли, не забыл? А на закате, как обычно, жди засаду. Издержки нашей работы. Я понятно излагаю?

-Понятно, товарищ капитан.
-Две недели назад в этом районе, севернее по ущелью, духи расстреляли батальон у соседей. Это была местная банда, усиленная кое-какими легионерами. Теперь спроси себя — этот душок там был? Попробуй ответить правильно, не ошибись... Мы ничего никому не должны прощать. Он убивал наших ребят, это точно. Он знал, за что мы его кончим, поэтому и молчал. Ну что ж, умер, как мужчина, — закончив убедительный монолог, Свиридов вперил взгляд в Платова в ожидании ответа.

-Да мне без разницы, товарищ капитан, — Платовым овладел кураж, — издержки так издержки, убейте всех, кого поймаете, только моих бойцов не троньте, мне ими командовать. Договорились? Наверное, хотели узнать мои планы на будущее? Докладываю. Доберусь до койки — дёрну самогонки и сутки буду спать.

-Ха-ха-ха, — Свиридов благожелательно похлопал его по плечу, — вот это правильно, это по-нашему, только кто ж тебе даст целые сутки?

-Так и знал, зажмёте.
После проведенной психологической работы ротный, наконец, отстал. День заканчивался. Что в итоге? Снова простые числа. Минус один — минус одна человеческая жизнь.

Олег КАРНАУХОВ

Увы, так происходило во все эпохи - готические соборы нужно было непременно строить на месте более ранних - романских. Практически каждый из нас говорил себе в детстве, что я не буду жить так, как живут мои родители. Большинству горожан хотелось непременно снять со стены шерстяной бабкин ковер, выкинуть родительскую деревянную мебель, оклеить стены обоями с рынка в стиле, который рыночные называли "абстракцией", повесить в центре стены картину в золочёной раме и считать это пределом мечтаний. И совсем не беда, что этот бабкин ковер - настоящий узбекский или туркменский килим, а на задней стенке родительского шифоньера сохранилась этикетка, указывающая, что произведен он из бука в Румынии. Нет, всё на свалку, в лучшем случае - в гараж под инструмент: прочь, прочь из нашей жизни! Лишь годы спустя, когда в гараже окажется зять, приехавший навестить тещу из Москвы (очкарик, странный дизайнер, бородатый хипстер в коротких штанишках и мокасынах на босу ногу), мы, ухмыляясь в усы, самолично вытащим все напольники и молотки из шифоньера и отдадим этот "гроб из красного дерева". Примерно так или с небольшими вариациями думает большинство. Причем, абсолютно не важно, что многие из нас давно выкинули на помойку те "ультрамодные" шкафы из ДСП, сменившие "рухлядь" наших родителей, и заменили всё на мебель из МДФ с фасадами из натурального бука, факт остается фактом: до основанья, а затем.

То же самое происходит, увы, до сих пор в провинции с советским искусством. Когда мы приходим в картинную галерею, то сразу же нас встречают парадные портреты 18 века, экспропрированные у бывших владельцев, которые, конечно же, помнили, кто их предки, и берегли полотна. И вот череда парадных портретов сменяется академичками, передвижниками, счастливым образом вкрапляется в эту напаянную публику в париках и корсетах реабилитированный русский авангард. И когда ты думаешь, что вот сейчас должен начаться советский период, из-за угла показываются голландцы со свисающей спиралью, лимонной кожурой, темными факверками домов. И лишь нервный, вечно раздражённый и большой Мефистофель Антокольского, мимо которого ты идешь к очередной двери, знает, что за ней нет никакого советского периода, и, что осмотр уже закончен. В фойе в далекую даль уносится "Чапаевская тачанка", а ты стоишь, смотришь ей во след и понимаешь, что советская живопись спрятана под таким спудом, что даже столетний юбилей русской революции не сможет изменить ничего в умах искусствоведов. Лишь на "Ночь музеев" из запасников достали скульптуры, выполненные Виктором Чеботаревым и Иваном Литовским, отряхнули от пыли скульптурные портреты Ленина, Маяковского, Горького, революционера Григория Котовского и героя гражданской войны Василия Чапаева. И снова в верхнем зале череда обманок - как год назад здесь красовался "пятый смыв" Сальвадора Дали, так ныне удивляет Винсент ван Гог с его подсолнухами, которые цветут себе всеми своими китайско-широпотребными лепестками, упиравсь в пол пластиковыми подставками.

Огромный интерес ко всему советскому, до- и послевоенному охватила сейчас Россию. Свидетельством тому служат в последние десятилетия тысячи тысяч туристов на гигантских выставках "Москва - Берлин", "залипающих", как скажут современные подростки, у супрематического гроба Малевича на выставке "Москва - Париж". А толпы желающих посмотреть на себя 50

ДО ОСНОВАНЬЯ, А ЗАТЕМ...

лет назад, на родительский пылесос "Ракета 7М", напоминающий собой космический летательный аппарат, на запечатлённые на полотнах художников Москву, Минск и Киев с "гластыми" автобусами и теннисными парками, в которых продавалось самое вкусное в мире мороженое, лежащее на толстом слое искусственного льда - на выставке "Оттепель" в Третьяковке. Многие провинциальные музеи России посвятили в этом году отмечаемому событию выставки, на самом деле планетарного масштаба, кто как бы его ни воспринимал, - столетию российской революции. Исключением стал наш Тамбов. Единственным объяснением тому вижу поздний приход на Тамбовщину советской власти. Может, ещё не время - целый год в запасе до столетия.

Сегодня наш город, потерявший при предыдущем губернаторе большую часть так называемого "старого Тамбова", снова поставлен перед выбором: или "гнилушки с туалетом на улице" или на месте старинных особняков, садов и палисадников - мечта любого застройщика - монстры о девяти, а лучше о шестнадцати этажах. Горожане умоляют сохранить то немногое, что осталось, но программа по расселению жилья требует всё новых и новых одно-двухэтажных жертв. И тут бы молодящимся дамам из картинной галереи, проводившим в могилу, на пенсию, в политическое небитие с дюжиной градоначальников, оглянуться, посмотреть, что же творится в других городах, например, в том же Смоленске, в котором и дореволюционный период представлен в разы больше (одно собрание княгини Тенешевой чего стоит!), а советскому искусству целый этаж отведен, проведена научно-практическая конференция, посвященная 100-летию революции 1917 года (авангард в искусстве). Оглянуться и организовать выставку многочисленных работ тамбовских художников, запечатлевших уходящий старый Тамбов, сделать её на компаративистской основе, показать Тамбов на картинах и те «шедевры», которые возникли на их месте. Искусство спасет мир?

Одним из немногочисленных событий, отметивших столетие объявления советской власти, стало разрушение огромной мозаики на здании автовокзала «Тамбов». Не спасло мозаику от «патриотичного» разрушения даже то, что на ней были запечатлены памятник партизанке, нашей прославленной землячке, герою Советского Союза Зое Космодемьянской и

монумент «Танк «Тамбовский колхозник», известный каждому тамбовчанину как символ бескорыстного подвига простого трудового народа. В предыдущие годы в Тамбове активно уничтожалось советское искусство. Какую виллу украшают теперь гигантские витражи из бывшего салона для новобрачных «Счастье» (позже магазин «Богатырь»)? Где керамические работы талантливой Нины Кольхаловой из дома торговли «Тамбов» (в народе «магазина на курьих ножках»? Я уже не говорю о многочисленных панно, мозаиках в школах, библиотеках, поликлиниках. Не прошло и четверти века, как было принято решение о сносе «морально устаревшего» памятного знака, установленного в честь награждения Тамбова единственной за всю историю города правительственной наградой - Орденом Трудового Красного Знамени. Сам орден хранится в здании Городской думы, а принятое в его стенах решение уничтожило памятник в горсаду, и теперь он лежит брошенный на территории дирекции парка культуры и отдыха. Про злоключения со скульптурами Татьяны Вельцен, снятыми с филармонии, не слышал разве что только глухой. Уж чего с ними только не произошло. И распилили их (при том что они из алюминия, а современные краны Като могут поднимать до 70т), и свезли на склад одного из МУПов поближе к Пигменту. Затем решили их установить у дворца Пионеров, чтобы обзор был лучше, поскольку их Вельцен задумывала так, чтобы их можно было рассматривать снизу вверх. При этом как раз предполагалось, что с нижнего яруса Набережной, с моста через Цну и со смотровой площадки у часовни Плитримовского колодца их будет хорошо видно. Для этой цели у дворца пионеров даже залили два постаменты. Потом скульптуры передали неким умельцам, которые, в отличие от наших развалившихся машиностроительных заводов, еще (или уже) умеют варить алюминий. Но умельцы, поняв, что никто им не собирается платить за их работу, сварочные шланги смотали, каски на полку положили. А скульптуры теперь обещают установить у отремонтированного комплекса филармонии, только вся проза жизни в том, что ремонтом там и не пахнет. И вот, когда скульптурам сделают заднюю поверхность, как было решено на Совете по монументальному искусству (надеюсь, что речь не идет о бретьяхках у платья скрипачки и всем, что бывает ниже линии талии), мы и заживём счастливо. До основанья, а затем...

ПОЭЗИЯ

Александр ЖУРАВЛЁВ

***

Когда наступят холода,
Становится так неуютно,
Так хочется тело тогда
В тепло одеяла укутать,
Из-под одеяла следить,
Как мёрзнут небесные птицы,
Как к югу летят они жить,
Как лист пожелтевший кружится,
Как сильно темнеет вода,
Как примутся люди ругаться,
Что им в темень и в холода
Приходится просыпаться;
Как резко жмется трава,
Как псы жмутся к трубопроводу,
От инея гибнет листва,
Как вновь угасает природа.
Забиться бы бабочкой в щель,
Забиться личинкою малой,
Но солнце нам светит в постель —
Велит распахнуть одеяло.

Руки

Раньше руки были разные:
Красные, с ногтями грязными,
Иногда виднелись ссадины —
Знак того, что сила дадена, —
Пальцы с пятнами мазутными...
Я следил ежеминутными
Порциями, видя личностей,
Их приличное количество.
Нынче руки одинаковы:
Кожа их бледна и лакова,
Пальцы — тонкие и длинные,
Положение — картинное,
Томно тычут только кнопочки,
Большая часть — телефонные...
Я боюсь, всё плохо кончится:
Руки — белые, люди — тёмные.

***

На улице все люди очень жалкие.
Подать охота, даже кто и не просил.
Глаза потухшие, конечности — как палки,
А это — роды разные Руси.
Природа свежая, погода ясная,
А люди выживают каждый день.
Пьют от усталости питье опасное
От городов до самых малых деревень.
А где-то есть и те, что приспособились,
Но их не видно что-то среди толпы.
Огородились и расстались с совестью,
В машинах мчат, на дачах греют лбы.
И, если вымрут все по виду нищие,
Останутся довольные одни, —
Знай: кончилось, о Русь, твоё величие,
Сама себя, как сможешь, сохрани.

Олег АЛЁШИН

Дружбы у нас никакой не было. Да и до возраста он годился мне в отцы. Но время от времени меня тянуло к нему, особенно когда становилось нестерпимо от провинциального одиночества. Да, есть такая разновидность тоски в маленьких городах, где о людях знаешь всегда немного больше, чем того хотелось бы. И это мешает жить.

Но с ним всегда было легко: его болтовня отвлекала от гнетущих мыслей, как телевизор, когда он работает вхолостую. Знал его много лет, но мало что менялось в этом человеке, даже при встрече он всегда говорил об одном и том же. Причём, фразы, которые однажды оформились в сознании моего собеседника, не изменились с возрастом и были свалены в одну кучу где-то в постаревшей памяти, как отлитые чугунные чушки. Он доставал их по одной и стучал по моему темени: «Папа говорил, что нужно перебраться в Москву, там к нам прибудут порядочные люди...»

Куда идти? К Алексеевым. У них всегда есть что поест, выпить, там можно поругать советскую власть, но при этом никто не напишет донос...

Говорят, что я бабник. Какой я бабник? Просто женщин люблю.

Где найти мне молодую женщину, хочу на пошощок еще сына родить.

Мне скоро две семерки. Как думаешь, много это или мало?

А сможешь на велосипеде сто километров проехать? Нет? А я вот могу...»

И всё это по тысячному кругу. Ни к чему не обязывающая болтовня скрадывалась его обаянием, беззлобностью. Никогда не слышал, чтобы он повышал голос. Даже состарившись, мастерски играл в шахматы, знал наизусть десятки стихотворений своего знаменитого поэта — отца. Статьи, мой собеседник прекрасно читал стихи. Был в его голосе какой-то мягкий ненавязчивый аристократизм, можно сказать, что он жонглировал словами, но не ощущалось нудного труда заучивания сложно сплетённых фраз, настолько тонко и органично он интонировал, упиваясь каждым словом.

При этом он носил протертые солдатские кирзовые сапоги и деревенский ручной выделки тулуп, который, казалось, был старше его раза в два. В нём он был похож на извозчика, которых уже нет в помине лет сто. Тулуп впитал запахи табака, водки, осенних костров, уличной гари и деревянного сарая, провонявшего мышами, где летом он и висел сиротливо на гвозде.

Он часто заходил ко мне на работу, не понимая, почему от него все шарахаются в редакции. Не раз приходилось его оттащить от наивной двадцатилетней барышни, которая думала, что странный, худой и бритый наголо дедушка просто решил почитать ей какие-то непонятные стихи.

- Алексей Николаевич, ты бы поприличней одевался, - пытался его вразумить.

- А что не так? Тулуп хороший и сапоги почти новые, брат Борис, Царствие ему Небесное, с армии привез, недоумевая, отвечал он.

- Так это было больше шестидесяти лет назад, пытался его убедить, но всё напрасно.

Когда была тёплая погода, то он заезжал ко мне на старом велосипеде, который смело

Чужое прошлое

Рассказ

можно сдавать в музей, но лучше всего - в утиль. Но Алексей Николаевич приковывал велосипед тяжелой собачей цепью к металлическому забору: амбарный замок с бульдожьим анфасом тяжело втыкался в асфальт.

Заметил, что он был излишне подозрителен к порядочным людям, но при этом приводил в дом проходимцев, которые частенько его обворовывали. Поэтому он делал какие-то тайники, хитроумные засовы и задвижки. Но ничего не помогало. Последний раз его обворовал второй сын, который внезапно нагрянул в гости. Он выгреб последнее золото братьев Алексеевых.

- Зачем я ему показал тайник? Мы с Борисом, когда деньги стали обесцениваться, решили подкупить золотишко. Звонил недавно в Питер, сказал, чтобы Антон больше не приезжал, жаловался он.

Мне было искренне его жаль. Это был одинокий, никому не нужный человек, который сохранил привычки богемной жизни. «Творческий дом Алексеевых» - так когда-то называли это пристанище провинциальных поэтов.

Признаюсь, любил здесь бывать, хотя дом был бесполовый, как и весь самострой в России. Какие-то нелепые пристройки, проходные и крохотные комнаты, всегда чем-то заставленные и заваленные до потолка. Да и строили в советские времена из чего придётся. Дома ветшали быстро, в пятьдесят лет они казались уже сгорбленными стариками. Но странно, что в доме Алексеевых витал дух XIX века, залетевший сюда неизвестно откуда. Нет, конечно, никакого антиквариата и в помине не было. Вместо него - пёстрые разлетающиеся во все стороны по стенам корешки книг, которые теснились на самодельных полках; множество картин, семейных фотографий и несколько великолепных скульптур руки местного гения. Даже матовые крылья засохшей бабочки между рамами окна, выходящего в неухоженный осенний сад, напоминали о прошлой беззаботной жизни. Но нищета, как старая экономка, давно уже хозяйничала в доме. Хотя эта нищета благородного происхождения.

- Мне надо ненадолго уехать в Москву, боюсь без присмотра оставить дом. Может

быть, пару ночей у меня переночуешь? — однажды попросил он меня.

Мне жутковато стало от одной мысли, что придётся ночевать в чужом доме, но всё же согласился. Честно говоря, хотелось неспешно рассмотреть чёрно-белые фотопортреты, которые были натянута на подрамники и сложены до потолка несчитанными стопками на шкафах и полках. Братья Алексеевы были известными в городе фотографами, но никто не видел всего, что они наснимали за всю жизнь. А у меня было впереди две ночи.

Алексей Николаевич закрыл на ключ дверь комнаты, где он, как мне казалось, хранил самые ценные вещи: коллекцию старинных и рабочих фотоаппаратов, книги с автографами знаменитых литераторов и что-то, наверное, ещё, о чем мне и знать не положено. Но и без того в доме хватало работы для моего любопытства...

Я запасся хорошим чаем и пачкой печенья. Это хорошие пособия скуки. Как же я люблю это томительное чувство, способное обострить до предела воображение, даже замедлить время. Отхлебывая из граненого стакана, смотрел в мутное окно сада. На ветке висело одно единственное уцелевшее яблоко, оно прозябло насквозь. Казалось, что плод уцепился за голую ветку как за жизнь, хотя дерево его давно не питало, напротив, тяготилось им. И было непонятно, на чем ещё держится яблоко, страшно рухнуть в заиндевевшую траву. И мне стало почему-то печально, наверное, от того, что некому было подставить под озябший плод теплую ладонь...

Но пора за дело, за нелёгкое дело разглядывать лица незнакомых людей. Я подставил дубовый стул к полированному шкафу и спустил на пол несколько подрамков. Фотобумага с сознанием дела была пригнана сапожными гвоздями к деревянным брусочкам. Хотел снимки расставить в гостиной, чтобы неспешно их рассмотреть.

Но на фотобумаге не было никакого изображения — чистое поле.

- Что за ерунда? - спросил я про себя.

Затем выгнул подрамник из середины аккуратно сложенной стопки — всё тоже.

- Не может быть, - говорил я сам себе,

извлекая снимок за снимком.

В других комнатах также не обнаружил ни одной фотографии, кроме чистых листов фотобумаги...

Сначала подумал, что от времени выщвели все снимки. Но эта версия вскоре мне показалась чужой. Ведь в советские времена была довольно качественная печать. Потом промелькнула совсем уж неблагоприятная мысль, что фотографии просто шарлатаны. Но тут же вспомнил, что их работы когда-то выставлялись в Зальцбурге. Не повезли бы за границу чистые листы фотобумаги.

А может, всё дело во мне? И просто я ослеп? Но хорошо вижу свои ладони, шахматный дубовый столик, который ещё в молодости сделали братья, на нём застыли фигуры в неоконченной партии.

Признаюсь, я был в полной растерянности, даже каком-то отчаянии. Не знал, что и думать.

Но к утру все же заснул в старом неудобном кресле с деревянными подлокотниками.

На работе болела голова от беспокойной ночи, мне уже было не до размышлений. Сославшись на недомогание, с обеда ушёл домой, чтобы хорошо выспаться. Вечером мелькнула предательская мысль: «Зачем туда идти, кому нужно всё это барахло?»

Но всё же не выдержал и ближе к полуночи поплёлся на вынужденный пост.

Когда стал подходить к дому, подумал, что любое жилище без людей - унылое зрелище. Хотя бы в одном окне, но должен гореть свет. Пусть тусклый, невесёлый, но всё же свет.

Почувств чужака, неистово залаяла отвязанная соседская собака. Она бросилась на меня с другой стороны забора.

Я спешно закрыл за собой входную дверь алексеевского дома, пытаюсь отдышаться от страха, тоски и беготни.

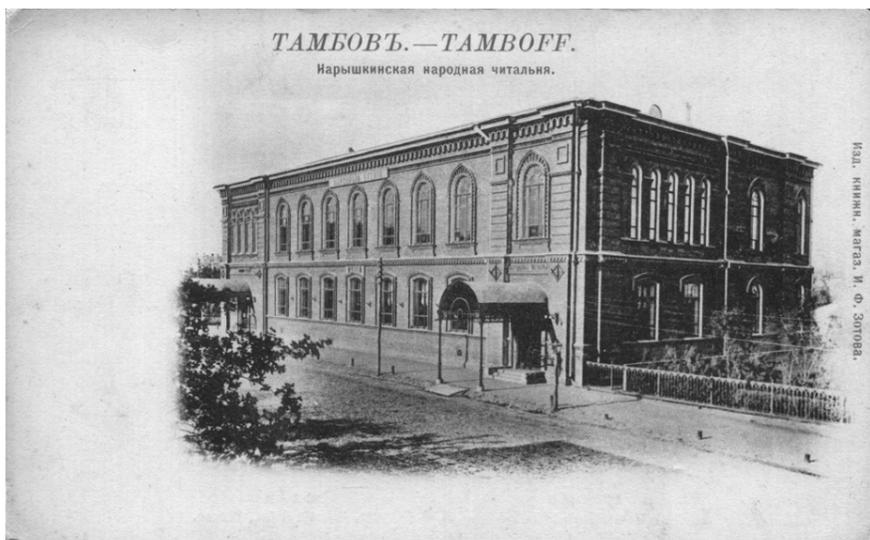
Спать не хотелось. Я сделал себе чай, прибавил газ в АГВ, чтобы наполнить дом теплом, взял с полки первую попавшуюся книгу и уселся в кресло, где спал прошлой ночью.

Почему-то мне показалось, что этот дом признал меня, отзываясь на мои мысли лёгким потрескиванием горелки газового котла, приятным шуршанием осенней листвы за окном, мышинной возней в подполе, содроганием теней скульптур, шелестом страниц скучной книги незнакомому мне автору.

У меня было такое ощущение, что я вернулся, наконец-то, домой. Нет, дом у меня свой, точнее, типовая квартира в панельке. За свою жизнь поменял немало адресов, но всё равно жил с каким-то ощущением временщика, может быть, поэтому ни в одной квартире до конца не доделал ремонт. Знал, что рано или поздно всё равно придётся перебраться куда-то ещё. Поэтому никогда у меня не было ощущения собственного дома, пристанища.

Как я мечтал о нём! Рисовал его в своём воспалённом воображении. Думал, что в моём доме обязательно должен быть старый скрипучий паркет, красивая фарфоровая посуда, вольтеровское кресло, теннисный плюш за окном, множество изысканных картин, гравюр, старинных книг, живой огонь и разговоры до утра с проверенным другом.

Но сейчас вместо этого старое потёртое кресло, гранёный стакан с чаем, одиночество в чужом доме, где жили незнакомые мне

люди. Но что-то меня с ними роднило.

Невольно мой взгляд переместился на подрамники с белой фотобумагой, что стояли с прошлой ночи на полу, прислонённые к книжным полкам.

В полумраке старой, засиженной мухами люстры на них стали проявляться изображения. Так в красном свете алексеевской фотолаборатории когда-то проявлялись снимки, погружённые пинцетом в химический раствор. Теперь уже давно так не печатают фотографии.

На одной из них показались доярки, сидящие на берегу реки. Неподалёку паслось отяжелевшее стадо коров. Перед началом вечерней дойки парторг читал женщинам вслух передовицу газеты «Правда». Но по их лицам видно, что им не до политинформации — они веселы и улыбки, как сама молодость.

На другом снимке появился щербатый мужик в кепке, которая захватски съехала на затылок. Его счастливая улыбка никак не вязалась с обветренным прокопчённым лицом. Расходящиеся от уголков глаз морщины были забиты тяжёлой чернозёмной пылью. Чему же так рад этот нищий, не знавший отдыха человек с газетной самокруткой в зубах?

А вот и мальчик в мягкой фетровой пляжной шляпе, с легкой опушкой по полям. Он играет большим яблоком, не зная, с какого боку его откусить...

Проявлялись не только изображения, но и звуки. То где-то вздрогнет цепь лодки, что бьётся бесцельно о берег, то где-то выплеснется вода из переполненного ведра, то где-то промчится грузовая попутка...

Всё это во мне пробуждало знакомое чувство, которое испытал в детстве, когда мама за тонкой перегородкой говорила тихо-тихо, чтобы ненароком меня не разбудить. Она не знала, что давно не сплю, а слушаю её шепот, от которого становилось, почему легко и спокойно. И сейчас, будто бы проснулся рано утром, сижу с открытыми глазами, всматриваясь и прислушиваясь к жизни, которая осталась только на алексеевских фотографиях...

Признаюсь, никогда не любил своего прошлого, всегда бежал от него, как от соседской разъяренной собаки. Да и прошлое не признавало меня, гремя тяжёлой привязью времени. Оно бросалось на мою тень, задыхаясь от злости и беспомощности. Но высокий забор между прошлым и настоящим разделял нас, поэтому оно не могло меня достать и разорвать в клочья, лишь пугало. Пугало дикостью семейного общежития, уголовщиной, пьянками, драками, страшило жизнью ради куска хлеба и сухого угла.

Сколько себя помню, старался с лёгкостью расстаться со всем, что меня связывало с моим прошлым.

Неожиданно для себя вдруг понял, почему Алексеев приковывал цепью велосипед к забору: он боялся, что у него украдут его ветреную молодость. Вернее, то немногое, что осталось от неё — никому не нужный проржавевший, ободранный, с вытертым кожаным седлом велосипед. Но мне всегда хотелось выбросить все свои велосипеды, лишь бы случайно не захватить в своё прошлое.

Ах, лукавый фотограф, ты всё же заманил меня в прошлое.

Когда утром возвращался домой, соседская собака как-то жалостливо смотрела на меня сквозь нетёсаные щели дощатого забора. Признала, наверное.

СНЕГ ПО АПРЕЛЮ

Сергей ПОПОВ (Воронеж)

* * *

Блеск тоскливый мартовского ледка
вольнолюбца сходу уводит вбок.
Твердь кругом рассыпчата и легка,
и прозрачней воздуха, видит бог.

В порошок стирается ледяной
под лихими подошвами хрябца.
И ничто никак ничему виной —
всюду только пройденного пыльца.

На ветру раскручивается, искрясь,
по сетчатке чертит бог знает что
позднезимняя пелена и грязь,
изжитого времени решето.

Наконец-то с ним разошлись пути —
только сеется ветровой снежок,
безобидный и никакой почти —
где он, прошлого холодной ожог.

Вся тоска лукава и такова,
что обратным зреньем слепца дарит.
Не болит бедовая голова,
если снова путь в никуда открыт.

* * *

Снег по апрелю и маю.
Лета не будет у нас.
Только одно понимаю —
этот запомнится раз.

Частые эти налёты
в дальний район до утра.
Не загружайся — ну что ты —
с чувством глядеть во вчера.

Словно в стеклянную колбу
заключены времена —
благо резвиться глаголу
в отблеске склянки сполна.

Силиться в область цветений
выбраться через стекло.
Снежные вихри и тени —
эко к весне занесло.

Ломкая наледь сезона.
Злой климатический бред.
Блазнится солнце спросонок —
скоро сто лет как в обед.

Вот обурела природа
сны и значенья плести —
год беспощадней от года
ветер сквозит до кости.

* * *

линяет лето без оглядки
с похолодания взятки гладки
тепло под свежим сургучом
переговоров ни о чём
эмэлы скайпы перезвоны
слова на ветер сетевой
ведь абонент уже вне зоны
вчерашней дружбы с головой

и паузы неудержимо
ненастье множит без нажима
дожди навзрыд ветра врзлёт
и всё известно наперёд
вестимо, что за чёрной тучей
всегда для будущего есть
забвенья обмороч летучий
равно прощение и месть

так говорил писатель старый
пока народ брэнчал гитарой
ковал в кладовке самиздат
кругом нетрезв и бородат
от спорадической теплыни
изжога спазмы миоцит
не проходящие донныне
всё из минувшего сквозит

приходит осень тихой сапой
вино на платьице не капай
и сигареткой не части
теперь воздержанность в чести
не вспоминай и пьясь в оба
и трубку вовремя клади
на плечи долгого озноба
что пламенеет впереди

мой ясноглазый летний кореш
с обрывом связи не поспоришь
как прошлым душу не криви
сургуч сгущается в крови
по зодиаку лев и овен
с небес спускаются к зиме
ни в чём провайдер не виновен
там только прибыль на уме

* * *

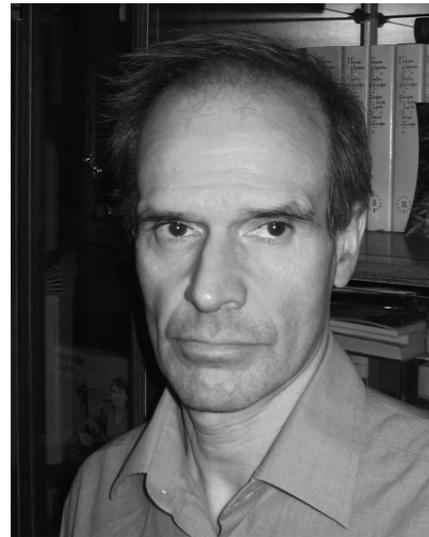
Дробный пригород дремлет лицом к
стене
леса, вросшего в окаменевший ил,

до которого дождь по ночной стерне
прошумит в два счёта среди могил.

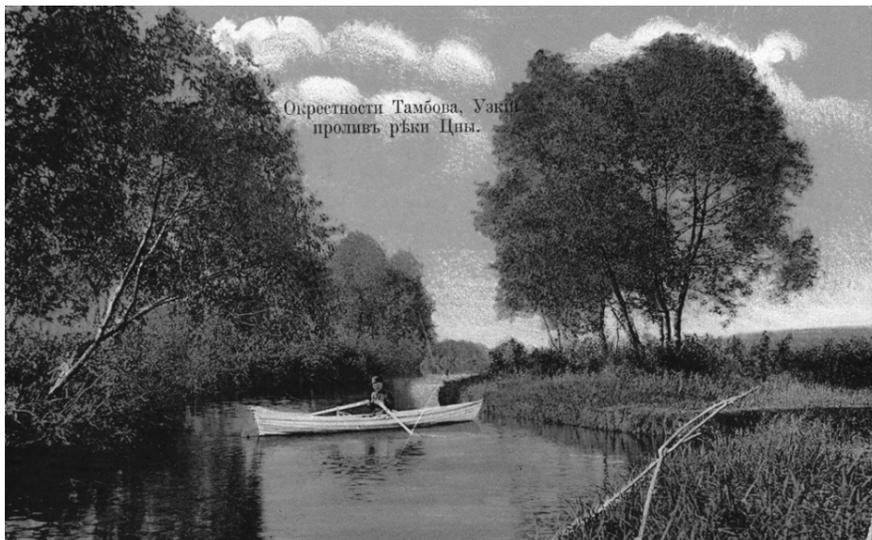
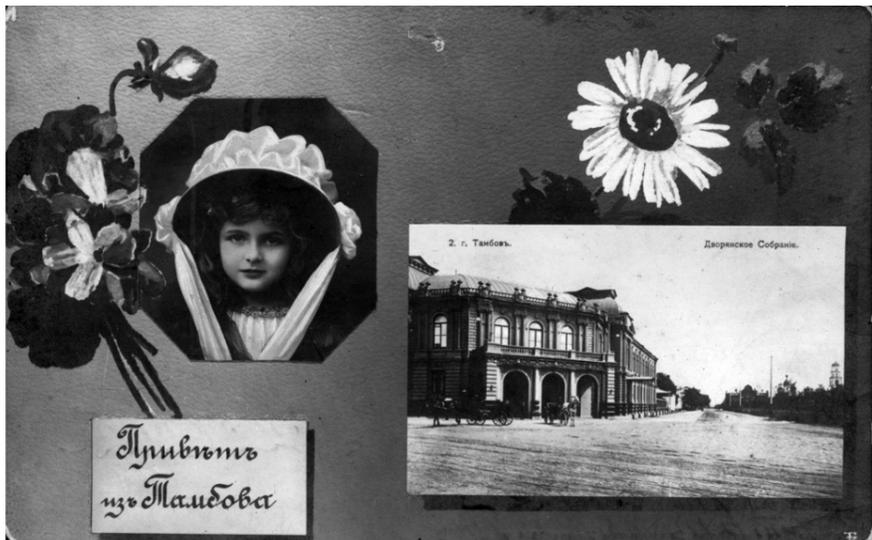
Он минует балку, жнивье, погост
и пронизет стену добра и зла,
души мхов, лощин, корневых корост,
отмывая истоиво догола.

Ил залижет раны иных времён,
поплывут стволы под откос воды.
Круговым бессмертием окаймлён,
прах запрячет в топях свои следы.

Будут кроны страшно ходить во тьме
и чертить на воздухе письма
о суме, безумии и тюрьме
по окрестным всеям слепого сна.

Сергей Попов родился в 1962 году. Окончил Литературный институт им. А.М.Горького. Печатался в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Арион», «Москва», «Юность», «Зарубежные записки», «Интерпоэзия», «Волга», «Дети Ра» и других. Автор многих книг стихов и прозы. Победитель Всероссийского литературного конкурса им. Маковского в номинациях «стихи» и «поэмы» (2004). Победитель Международного поэтического конкурса «Перекрёсток» (Германия), журнала «Крестьянин» (2007). Обладатель Специального приза Союза российских писателей Международной Волошинской премии за лучшую поэтическую книгу года (2010). Финалист Всероссийской литературной премии им. Валерия Прокошина (2014), Бунинской премии (2017). Лауреат премии журнала «Дети Ра» за лучшую поэтическую публикацию года (2011, 2014). Лауреат премии литературной газеты «Поэтоград» за лучшую поэтическую публикацию года (2011). Лауреат премии газеты «Литературные известия» за лучшую поэтическую публикацию года (2014). Лауреат премии журнала «Зинзивер» за лучшую поэтическую публикацию года (2015). Член ПЕН-клуба (Русский ПЕН-центр) и Союза российских писателей.

Андрей КРУЖНОВ

За кафедрой стоит высокий рябой человек с большой ковшеподобной челюстью. Это лектор Павел Сергеевич Маржаков. Он сосредоточенно перебирает перед собой бумаги, кашляет и сразу же берёт быка за рога:

— Какой-то дурак заявил, будто бы Пётр Первый был тиран и деспот. Ложь!.. Я приношу извинения за лексику, но пришло время расставить все точки над *i*, чтобы всякое либеральное отребье не путало божий дар с яичницей. Да, да! Если некоторых умников послушать, так вся история России получается такой сплошной пунктирной линией. Никаких тебе восхождений, никаких падений, никаких отцов нации, никаких святых — одна пунктирная линия, как на выкройках. Неясная намётка чьих-то штанов. Но лично мне отлично известно, чьи это штаны! И я даже знаю, за чьи заокеанские деньги их собираются шить!.. Но я историк, а уж в этом пусть разбираются компетентные органы...

Лектор снова роется в бумагах, пожимает плечами, вертит шейю, будто за шиворот ему попало что-то колкое и неприятное.

— Если кто-то хочет знать правду, то пусть ищет её не в мусорных кучах, не в каких-то сомнительных письмах и архивах, а пусть спрашивает у настоящих историков. Да, да, у историков, которые наделены полномочиями говорить правду!.. А если нам дали право говорить правду, значит, это уже не просто правда... — лектор вдохновенно поднял свой ковшеподобный подбородок, как экскаватор наизготовку перед рыгтём траншеи и продолжил: это уже истина в последней инстанции!..

В зале кто-то хрюкнул, видно, чем-то подавился и кашлянул.

— А если кто-то не согласен, то пусть честно выйдет и заявит! — грозно произнёс Маржаков, и в зале воцарилась мёртвая тишина. — Мало кто из сидящих знает, что в детстве Пётр Первый даже понятия не имел, что такое настоящий армейский флот. Да что флот — он даже моря не видел! Мечтал о флоте, но не знал, каков он из себя, как выглядит... Ничего смешного. Такое бывает. Мы тоже мечтаем о прекрасном будущем для

О ВРЕДЕ ИСТОРИИ

(Монолог одного лектора)

России, но не знаем, как оно выглядит... Поэтому Пётр Первый, когда стал императором, в первую очередь занялся флотом...

Лектор заглянул в одну из бумажек и лицо его помрачнело.

— Тут один интеллектуальный мерзавец утверждает, якобы Пётр Первый притащил в Россию западную культуру и науку. Типа, у нас тут мракобесие и полное средневековье!.. Ну, понятно, для каких предательских целей это пишется, — он сурово постучал пальцем по бумагам. — Лично я заявляю: Пётр Первый сам привнёс русскую культуру и науку в малоразвитые западные страны. Да, да!.. Ничего смешного. Это и широта русской души, и русская сообразительность, и умение подковать блоху!..

В зале что-то громко упало на пол, отчего многие слушатели заёрзали на стульях. Маржаков выдвинул вперёд ковшеподобную челюсть, и многим показалось, что он не человек, а робот из голливудского фильма про трансформеров.

— Конечно, я не собираюсь писать историю России розовыми красками. Я не подкупленный властями историк, я честный учёный и заявляю: в России уже тогда процветало воровство! И не только воровство, но коррупция и мздоимство! — Маржаков торжественно обвёл взглядом весь зал. — Какой уж тут флот, понимаешь. Только соберут корабль до палубы, оставят его на ночь, а утром — глядь — вместо корабля стоит на стапеле один остов, хоть ты тресни! Тогда велел император рядом с каждым кораблём охрану ставить. И что вы думаете, корабли стали исчезать вместе с охраной и даже со стапелями. Народ дикий был, необразованный. Кремль и то не могли построить — пришлось из Италии строителей приглашать. Да что Кремль!.. — Маржаков хихикнул какой-то своей мыслью. — В бане бабы с мужиками кучей мылись — представьте! Картошку звали «чёртовое яблоко» и жрать боялись, в одном доме со скотиной жили — дикари первобыт!..

Он вдруг спохватился, замер на полуслове. Лицо его сделалось каменным, как у сфинкса. Лектор сделал несколько жевательных движений, как корова, и продолжил в более медленном темпе:

— Как вы понимаете, народ Петру достался непростой. Я бы даже сказал сложный... — лектор смял какой-то лист и бросил его под трибуну, где стояла корзина для бумаг. — Мда, Петру приходилось нести прогресс огнём и мечом, как в своё время Владимир-Красно Солнышко нёс. Да, приходилось рубить головы. Но делал он это исключительно из государственных соображений, а не из-за садизма или самодурства. Если вообще посмотреть на историю России с высоты птичьего... — лектор внимательно посмотрел поверх голов слушателей, словно там увидел восход солнца над южным морем. — Если посмотреть, то можно удивиться, как всякое, с первого взгляда, отвратительное событие шло русскому народу на пользу. После голода — урожай ого-го! После

пожаров — новые стройки. Обычный человек у меня спрашивает, отчего Иван Грозный убил своего сына. А я ему говорю, да разве он убил? Ну, видел кто-нибудь, есть свидетели, которые под присягой говорили, что царь убил сына?.. Картина в Третьяковке?.. Ну, хоть такая польза, культурная. Мы ведь тоже не в курсе насчёт битвы Георгия Победоносца с драконом — была она или нет. Но культурная польза есть. Гербы везде, понимаешь. Символы.

Маржаков упёрся вытянутыми руками в трибуну и взял паузу. Потом тряхнул головой, будто прогнал прочь нехорошие мысли и громко спросил:

— И кто вообще взял, что тиран — это обязательно убийца и злодей? Ну, моя дочь, например, считает меня тираном из-за того, что я заставляю её каждый день читать на английском. Но ведь вы-то понимаете, что это делается исключительно для её же пользы. Когда я студентов заставляю переписывать лекции, они тоже считают меня деспотом. Но разве я похож на убийцу или маньяка?.. Мы многие вещи понимаем не так как следует, многие вещи извращаем в своём сознании. Тогда выходит, что судья, который выносит приговор убийце, тоже тиран и деспот. Тогда и солдаты все, которые защищают родину, уничтожают врага, тоже убийцы? Так выходит?..

В зале возникла напряжённая тишина, и лектор победоносно приподнял лицо.

— Вот видите до чего можно договориться! Можно извратить всё на свете! Можно сказать, что белое-это чёрное, что курица-это рыба, что патриот-это негодяй, а маньяк-святой. Это интеллигентская ловушка для слабоумных. Для людей, ленивых умом и слабых духом. Я надеюсь, среди сидящих здесь нет таких?..

Маржаков пристально вглядывался в лица людей и видел, как они каменеют, становятся непроницаемыми, будто превращаются в гип-совые маски.

— История-сложная штука, а для неподготовленного ума она даже вредна, — заключил Маржаков и стал собирать листы на кафедре в одну стопку. — Вредна в том смысле, что может легко сбить с пути юношу... — он посмотрел на молодых людей за первыми столами. — Пожилого человека. Не всякий пожилой человек читает книги. Чаще смотрит безвкусные сериалы, дурацкие шоу, будь они неладны...

Лектор посмотрел на пожилых людей, которые спрятали свои глаза за толстыми линзами очков. Они отблещивали мертвенным светом люминесцентных ламп в аудитории.

— Поэтому не занимайтесь Историей самостоятельно, — лицо мужчины стало очень серьёзным, даже трагическим. — История не прощает самодеятельности! Что же тогда делать? Да очень просто. Смотрите ваши сериалы, дурацкие шоу... Но помните, что История с вас спросит. Когда придёт время!

Лектор кивнул головой и в зале послышались жидкие аплодисменты.

ПОЭЗИЯ

Елена ЛУКАНКИНА

***

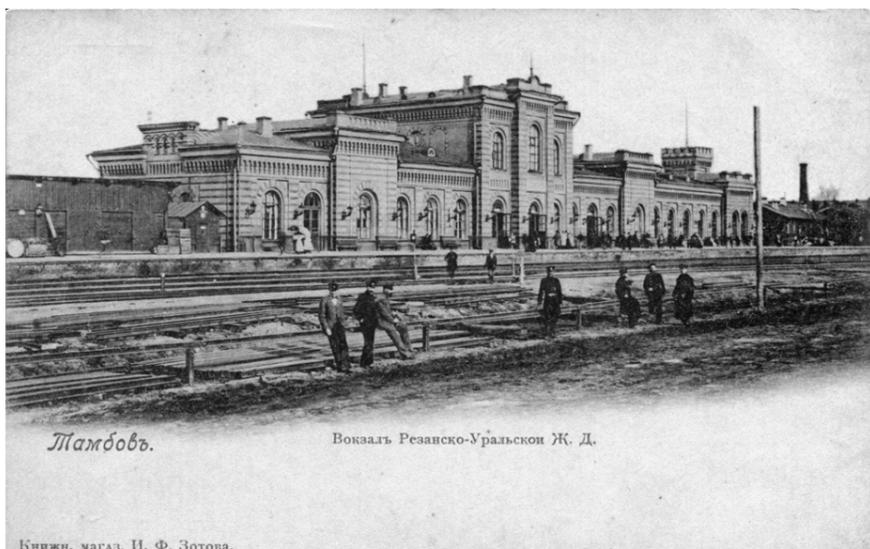
В том старом саду никогда не была, но видела я у ворот траву, что густым камышом обвила большое пустое ведро. Как холод сковал эту мглистую стынью, как я надыхала туман, и словно трещал с каждым хрустом камин, которого не было там. Как в небе над садом желтела луна в сплетённом из веток гнезде, как мягое облако с веретена тянулось навстречу звезде. Как арфа играла сама по себе, и кто-то ходил вслед за мной. Я слышу ту песню — я пела тебе про сад ледяной, ледяной.

Ноябрины

У меня по тебе ноябрины. Я вхожу в голодающий сад, вяжут горечью гроздь рябины, и листья, костеней, висят, как ракушки без тёплых хозяев. Не воротишься — как ни крути! На листьях осень делает завязь, чтобы к саду дорогу найти, но коснись, и на иглах — отравы. В сад вернувшимся право дано — на забвение острое право — уколоться о веретено. Сад изломан и трогает колко. Я за стол деревянный сажусь. Ветер рыскает в дереве волком, но живот его к осени пуст. Винограда разбросаны бусы на столе. Сколько прошлого в нём... Пустота — виноградного вкуса. Брызнут ягоды горьким вином. У меня по тебе ноябрины, тишиною со мной говори. Вяжут горечью гроздь рябины, но зимой здесь живут снегири.

В Асеевском саду

Туманом жёлтая луна подёрнута — как ладан на небе жгут, но даль темна Асеевского сада. Вода встаёт на волоски, фонтанов гнуты шеи. Деревья горы высоки, и в них видны ущелья. Туда — где камни и трава, где собралась по звуку вся тишина, и голова пошла, пошла по кругу. Тоскливо скрипнула щепка, в груди кольнуло остро, и то ли от того шипа на небе вышли звёзды — рассыпались, и ты один в саду, в своей природе. И сколько б ты ни приходил — всё ближе час ухода. Над головой сжимают круг ветвей сухие пальцы. Как осень страх приходит вдруг — навеки потеряется. И прелея листва, как чай, заварена в избытке — кислит, и слышится: «Прощай!» из хлопнувшей калитки.

Тамбовъ.

Вокзалъ Рязанско-Уральской Ж. Д.

Книжн. магаз. И. Ф. Зотова.

г. Тамбовъ. Домъ Асѣва

ПОЭЗИЯ

Александра НИКОЛАЕВА

***

На страданья в начале высокого старта
 Души-странницы Господом обречены.
 Может быть, не случайно девятого марта
 Я на свет появилась по воле весны.

Ночью самой угрюмой и самой дождливой
 От неведомой боли младенец кричит.
 «Видно, девочка вырастет нетерпеливой,
 Боевой и упрямой...», — смеялись врачи.

Жизнь росла и со мной оставляла подарки
 Первым снегом и первой сиренью в саду —
 Я в кустах её пряталась, словно дикарка,
 И по звёздам училась любить высоту,

И стихами дышать, и, как близкой подруге,
 Исповедовать душу большой тишине...
 И цветами запахнет январская выюга
 От брожения весеннего тока во мне!

***

Из детства, как из платья, вырасти,
 Потом — из времени и места...
 По вечерам гудит от сырости
 Несмазанная дверь подъезда.

И солнца голова немая
 В толпе, в маршрутке, без билета
 Опять глядит в окно разбитое,
 Расчерченное клейкой лентой.

И не спешит зима с гостинцами,
 Но чуда ждать долготерпенья
 Достанет. Города в провинции
 Живут в отдельном измеренье.

Истрёпана, забыта книжица
 О прошлых катастрофах века.
 ...Здесь время лишь
 по кругу движется,
 Не замечая человека.

Алексей ШЕПЕЛЁВ (Тамбов-Анапа)

Вбылые времена баталии
 колхозные кипели и гремели, да
 не о полях тут речь: бывало пред орёт
 в правлении (по рации иль так) — всё
 слышно. И сколько их тут за эти годы
 переорало...

Но с каждым годом разнообразия всё меньше, особенно кадрового: люди умирают, молодёжь не та... Тут был такой «нескучный сад», такие корифеи проживали — соседи, например, имеющие прозвища Козявка и Драбадор. В колхозе самый низший чин — «всего-то трактористы», зато законно отдыхают после смены. Уж коль не каждодневно, то через день — валяются у дома на дороге, «у столба», и как спектакль ежедневный, начинается...

Таков же в своё время был Чубатый, тракторист лихой, родитель целой ватаги кряжистых сынов, братьев-акробатов знаменитых местных, донимавших меня в детстве. Он с своим чубом, глазами, по здешнему выражению, вытрескав, только мимо пролетал (всё та же «полоса препятствий»: валил заборы, сносил стога, давил-раскатывал «тыклы» и, что называется, всяко чередил), а уж отдыхать бросался в лопухи поодаль, за десяток изб от нас, я толком и не видел... Но тут гадать не надо: у всех оно одно — как комплекс ГТО, издержки, так сказать, коллективного хозяйствования; к тому же, от бабушки я слышал жизнеописание не только всех односельчан, но и их родителей, тоже ушлых...

Вот слышу: братец и Чубатый встретились у дома.

— У тебе кот мой, — утвердительно глаголет пожилой Чубатый, — в ангар забился, надо бы поймать.

(Про кота-то как пропустить, да и зачин сюжетный как на чеканке выбит!)

— Ну, вечером, Захарыч, приходи — щас некогда. Как же ты высмотрел?..

— Так он, едрёнать, чёрно-коричневый такой, впотьмах без света не углядишь — засветло бы отловить...

Многого не замечаешь, а оно меняется... Или замечаешь, да что с того и до того ли... Вот и в 2000-е Чубатый, уж почти без чуба, ежедневно мимо дома на велосипеде ездил — туда, сюда... Не как Ю.Б. носился, а чинно так, вкрадчиво поскрипывая. Какие-то баклажки у него в багажнике. «Захарыч вон теперь

только пиво пьёт, вся пенсия у него на полторашки пересчитана», — услышал я такое как-то. Потом, через год-другой, он всё ходил пешком — три раза в день туда-обратно до ларька, в руках иль в сетке заветная бутылочка (уже 0,5 стеклянная), а сам седой уже как лунь, но сзади чуть не бритый, а спереди некий бобрик, намёк на чуб...

Теперь дожили — из постоянных зрителей-помощников остался он один фактически... И что ни день, то как будильник, как радио, под окнами: чу! — Чубатый! Голос у него грубый, звучный — тут не проспшишь, не прозеваешь «передачу». По-прежнему паломничает он «до точки», но спрашивает там то виноград, то творог, то ситро — не пьёт ни капли.

Сказать по чести, раньше с ним не водились, а нынче вот, я удивляюсь (что называется, в положительную сторону удивляюсь): он стал, насколько это возможно по нашим временам, друг семьи.

Дивлюсь я также куда больше, когда о раздолбях школьных, отъявленной шпане (чьи имена и клички произносить-то брезговали, а пересказывать и слышать об их проделках-подвигах так просто тьфу!), теперь родители с почтением отзываются, на них как бы оглядываются, советов даже спрашивают. «Кабан крышу покрыл, железом этим новым, пойдй узнай, как там делать надо» — эх, мушкетёры, двадцать лет спустя! — сказать бы им тогда такое!

И вот Чубатый — тут как тут: проходит мимо — а к кому ещё зайти? Кругом уже совсем пустынно илако: даже моих родителей он старше лет на десять. И не сказал я главного: не груб, не глуп, всё знает, рассуждает довольно здраво, и вечно с прибаутками — вот образцовый персонаж!

Бойтся он только одного — как сын приедет средний. «Захарыч, Колоха, что ль, приехал?» — спросит мой братец, Колохин однокашник. И дружан. Пауза минутная, тяжёлая... «Да», — ответит, как отрежет, с непередаваемой интонацией отчаяния. Болтает обычно без умолку обо всём, а тут, осекшись, ежом сворачивается, уходит в думу. «У Захарыча по лицу видно, кто приехал», — вот так уж говорят.

Кота брат согласился выдать: прокружился где-то, но вечером устроили облаву... Эпическое это повествование я слышал в застольном пересказе братца и в отрывочном — сквозь форточку опять — репортаже самого Захарыча. Да стоит ли вся эта «котавазия» отдельного рассказа, если бы участники истории так сильно на неё не напирала?..

Кота ловили долго, он измотал их страшно, впотьмах поспшибал хозяйственные нагромождения — всё, что можно. Засунули в мешок — страшно фыркал и орал, изодрал и братца, и Чубатого, — но всё же кое-как впихнули, взвалил на горб и поволок...

На следующий день подходит к братцу:
 — Не, кот не мой.
 — Как немой?! — прикалывается брат,

Чубатый и кот его

Фрагменты из новой книги «Мир-село и его обитатели» (М.: Эксмо, 2017)

орал как резаный.
 — Ды как? Понёс я его, этто, в мазанку — шоб мышей ловить... он как раз ловить, а второй, серый здоровый, Васька-то, не очень... Но шо-то думаю: проверю — сначала в сенцы выпущу, хоть покормлю чуюток, ведь уж неделю пропадал-то...
 Кот — это не то, что как в городе, это нечто здесь вроде пылесоса, только засасывает он мышей, а заодно, как мзду или электроэнергию, объедки всякие.

— Ну?
 — И токо из мешка-то вытряхнул — как прям дал он — как в тот раз! Собака, этто, Альма, на него как бросится, а сверху прям и этот — Васька-то — и поняслась! Не признали, бишь! Забился, тварь, под доски, я полдня искал да караулил — еле выковырнул. И правда: не мой кот оказался — облезлый какой-то!
 — Да он поди и облез — от такой жизни!..
 — Ды слушай дальше: вечером гляжу, этта, — мой кот приходит!.. Я смотрю...
 Дальше всё уж заглушается хохотом — «...и этот ещё не убёг...» — у гаража уже аудитории подобралось порядком. «Кот-самозванец» — такого и по телевизору не каждый день увидишь!

Старшие его отпрыски были редкие оторвяжники, негоже право и вспоминать, но давно уж в белокаменной осели — я, как услышал, подумал, что как минимум налётчики иль рэкетеры. Но нет — оступенились-оженились, иномарка-ипотека, «Батя могёт» и всё такое. За старшими тремя уехали и средний с младшими (разница по возрасту уже приличная). Младший тоже ничего, даже вроде в колледже учился, работать стал «экспедитором каким-то» — солидная, как видно, должность, а вот средний...

На первом-втором курсах я, когда мои все одноклассники отправились в армию, а дальше уж сразу заматерели-окостенели, сколотил вокруг себя «продвинутую тусовку» из братцевых сверстников, года на три-четыре меня младше, и там Колоха этот был... Не буйный — а больше в теперешнего папашу, шутливый, добродушный. Порою было весело: к музыке пытался их приучить приличной — и вроде получилось...
 А нынче, как нагрянет на побывку, Юрий Борисович, Коля Зима — даже те ему не друзья. И с ними-то одна страмота, а тут уж надирается до чёртиков в одиночку, валяется порой, как только коров выгоняют, — ни свет ни заря... Москва сгубила: пьёт абсолютно всё, из дома вещи тащит, что-то варит...
 Увидеться на улице случайно — как увидеть призрак. Впрочем, и меня обычно бывлые «акробаты», уж насколько знакомые, воспринимают так же: как будто вздрогнув, отворачиваются, иль смотрят как сквозь стекло.
 Но проводит сына Чубатый и постепенно отходит. Сам он не фантомен, а наоборот: здоровается за руку, глядит в глаза, по делу спрашивает и отвечает — живой, подвижный, седой-щетиный, с чубчиком, немного напоминающий, как Ной, сыновей своих.

Увидеться на улице случайно — как увидеть призрак. Впрочем, и меня обычно бывлые «акробаты», уж насколько знакомые, воспринимают так же: как будто вздрогнув, отворачиваются, иль смотрят как сквозь стекло.
 Но проводит сына Чубатый и постепенно отходит. Сам он не фантомен, а наоборот: здоровается за руку, глядит в глаза, по делу спрашивает и отвечает — живой, подвижный, седой-щетиный, с чубчиком, немного напоминающий, как Ной, сыновей своих.

Увидеться на улице случайно — как увидеть призрак. Впрочем, и меня обычно бывлые «акробаты», уж насколько знакомые, воспринимают так же: как будто вздрогнув, отворачиваются, иль смотрят как сквозь стекло.
 Но проводит сына Чубатый и постепенно отходит. Сам он не фантомен, а наоборот: здоровается за руку, глядит в глаза, по делу спрашивает и отвечает — живой, подвижный, седой-щетиный, с чубчиком, немного напоминающий, как Ной, сыновей своих.

Увидеться на улице случайно — как увидеть призрак. Впрочем, и меня обычно бывлые «акробаты», уж насколько знакомые, воспринимают так же: как будто вздрогнув, отворачиваются, иль смотрят как сквозь стекло.
 Но проводит сына Чубатый и постепенно отходит. Сам он не фантомен, а наоборот: здоровается за руку, глядит в глаза, по делу спрашивает и отвечает — живой, подвижный, седой-щетиный, с чубчиком, немного напоминающий, как Ной, сыновей своих.

Увидеться на улице случайно — как увидеть призрак. Впрочем, и меня обычно бывлые «акробаты», уж насколько знакомые, воспринимают так же: как будто вздрогнув, отворачиваются, иль смотрят как сквозь стекло.
 Но проводит сына Чубатый и постепенно отходит. Сам он не фантомен, а наоборот: здоровается за руку, глядит в глаза, по делу спрашивает и отвечает — живой, подвижный, седой-щетиный, с чубчиком, немного напоминающий, как Ной, сыновей своих.

Увидеться на улице случайно — как увидеть призрак. Впрочем, и меня обычно бывлые «акробаты», уж насколько знакомые, воспринимают так же: как будто вздрогнув, отворачиваются, иль смотрят как сквозь стекло.
 Но проводит сына Чубатый и постепенно отходит. Сам он не фантомен, а наоборот: здоровается за руку, глядит в глаза, по делу спрашивает и отвечает — живой, подвижный, седой-щетиный, с чубчиком, немного напоминающий, как Ной, сыновей своих.

г. Тамбов. Вознес. женский монастырь

ТАМБОВЪ.
 Александринский Институтъ.

Книжный Магазинъ И. Ф. Зотова.

Евгений ПИСАРЕВ

В провинциальном Уткине не то что шпионы - даже диссиденты не водились, поэтому служба в органах безопасности тяготила Василия Александровича Егорова. Но в конторе его считали толковым аналитиком, хотя и несколько рассеянным. Впрочем, для рассеянности у него имелась причина, причём весьма благородного свойства. Была у Егорова тайная страсть, о которой не знали даже сослуживцы - он конспиративно писал маслом картины. Пейзажи там, натюрморты, иногда жанровые сцены. Как-то пошёл Егоров в лес по грибы, напал на грибницу опять - топорщится на пеньке, как змеи на голове медузы Горгоны, ну прямо просятся на холст. Грибы всегда казались ему существами веземного происхождения, и он попытался через живопись понять их инопланетную сущность. А однажды написал картину, на которой изобразил нелегала, собирающего грибы на территории вероятного противника. И назвал свое творение многозначительно - «Ложный опёнок». Увлечения своего Егоров стеснялся, холсты прятал где придётся, а иногда дарил сослуживцам, говоря им, что это изъятая и списанная мазня одного диссидента, который на Западе вроде бы как стал знаменитым.

После смены руководства в органах началась реорганизация, и майора Егорова как имеющего выслугу лет отправили на пенсию, чтобы освободить место для чекиста новой формации. На увольнение он обиделся, но виду не подал - в конторе такое не приветствовалось.

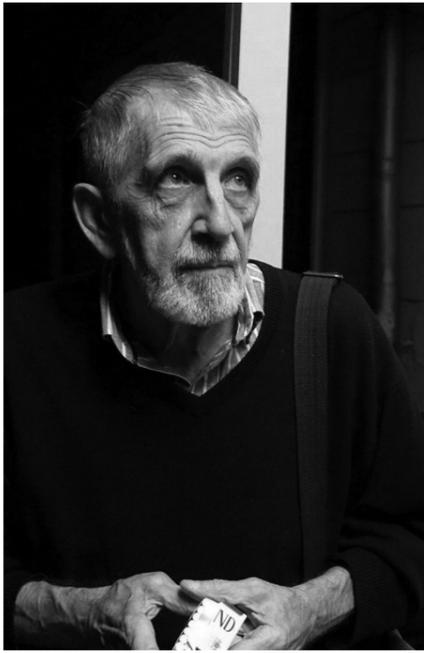
Поначалу он собирался всецело отдаться живописи, но скоро понял, что истинный художник всегда живёт бедно, а слава к нему если и придёт, то посмертно, и усилием воли заставил себя полюбить гулять с этюдником по набережной. Началось с того, что однажды ему захотелось запечатлеть с природы восход солнца. Он с удивлением понял, что никогда не видел восхода солнца. И как-то апрельским утром он вышел по обыкновению на набережную. Утро было серым, невыразительным, как асфальт, давно не видевший дождя. Невыразительным ему показался и мужичок, появившийся из переплетения веток, как фигура из загадочной картинки, какие печатались в «Пионерской правде».

- У вас не найдётся? У меня трояк...
Вопрос поставил Егорова в тупик. Но, поймав потухший взгляд рано вставшего товарища, он понял, чем тот страдал, и на него накатила несвойственный ему альтруизм.

- Понимаю, - сказал Егоров. - У меня здесь до дома пять минут, я принесу... А ты посторожи мое хозяйство, а когда луч солнца скользнет по воде, мазни вот здесь... - Егоров сделал дирижёрский жест, описав пальцем вопросительный знак.

- Понял, - сказал незнакомец, скруглив большой и указательный пальцы. - На клюшке...

Картина, которую вернувшийся Егоров увидел на своем холсте, поразила его какой-то особенной торжественностью,

которая ему самому давалось с большими потугами. Луч солнца перепыхивал серость его предыдущих стараний, но камыши и полузаполненные лодочки успели поймать на свои борта отблески взошедшего светила, и они казались израненными, но победоносными боевыми кораблями речного флота. Не какими-нибудь унылыми «Варягами», а мерцающими сталью стремительными эсминцами.

- Я думаю, на этой отмели надо изобразить отдыхающий десант, а на небо запустить одинокий... Лучше горящий истребитель без опознавательных знаков...

- Почему без опознавательных? - возмутился Егоров. - Пусть будет со свастикой!

- Вы понимаете, без звёзд-крестов гуманней получится, не путайте живопись с плакатом...

Незнакомец с достоинством, в два приёма, выпил принесённые пол-бутылки, надкусил предложенный бутерброд и, оживившись, сообщил, что он художник, живёт в другом конце города, загулял у приятеля, тот еще дрыхнет, а ему до одиннадцати часов ждать никак нельзя.

- Филя не позволяет, - уточнил он.

- Какой еще Филя? - вежливо поинтересовался Егоров, польщённый тем, что вот так запросто общается с настоящим художником, работы которого висят в Уткинской картинной галерее.

- А я так свой организм прозвал. И всегда его спрашиваю, когда выпить требуется: «Можно, Филя?»

- Ну и...

- Обычно он бодро так отвечает: «Всене непременно, Михаил Иванович! И по полной программе!» А сегодня, как только забрезжил серый рассвет, Филя мне прошептал: «Вставай, Михаил Иванович, вставай и иди, найди и выпей... Плохо мне, Михаил Иванович...». А здесь вы - добрый и бескорыстный человек, каких нынче редко встретишь...

Они еще немного поговорили о бедуховности нынешнего поколения, о его категоричности и мило расстались,

Ложный опёнок

Рассказ

довольные друг другом. На прощание Михаил Иванович похвалил этюд Егорова, но посоветовал ему быть смелее, не бояться открытого цвета. «Творчество - это всегда гармоничная чрезмерность...». Эту фразу Егоров запомнил, а позже записал с тайной надеждой, что он как бы невзначай обронит её на открытии своей персональной выставки, а журналисты вынесут её в заголовок газетных репортажей.

На следующее утро Егоров уже внимательнее присматривался к публике, которую похмельный синдром гнал на вынужденные утренние прогулки. Егоров определился со стратегией и тактикой, сделал экономический анализ ситуации, оценил свои возможности в открывшейся сфере услуг для страждущего населения. Через два дня он купил в комиссионке по дешёвке добротный, ёмкий, хотя и плешивый, этюдник. В нижнем углу этюдника он не крупно и неброско начертил слова «Несущий радость» и поставил свою монограмму с изысканным завитком.

Егоров с вечера снаряжал этюдник двумя, а по воскресеньям и тремя бутылками водки, мерными стаканчиками, а также нехитрой закуской: сухарями, галетами, карамельками, а иногда даже порционными ломтиками воблы и копчёной селёдки.

За полтора-два часа утреннего «пензера» он покрывал затраты плюс прибыль, примерно равную затратам. Проще говоря, за свой кровный советский рубль получал два, а в месяц выходила его майорская зарплата. «Хотели иметь малый бизнес, господа демократы, - думал Егоров злорадно, - вот и поимели его. В моём лице и в моём же исполнении».

И тут случилась Преображенская революция. Партийное начальство не на шутку струхнуло, и стало готовиться, кто на эшафот, кто в подполье. Но когда первый испуг прошёл, и бывшая начальствующая публика поняла, что вешать их на фонарях никто не собирается, они лихорадочно стали строить капитализм. Востребовали и Егорова. Да так приветливо востребовали! И всё потому, что один диссидентствующий учёный с мировым именем как-то публично заявил, что «КГБ есть наименее коррумпированный орган государственной власти». Теперь бывшие чекисты носили эту характеристику как знак особого доверия. Да и рекомендации Егорову были даны достойные, поэтому его без особого труда взяли в городскую управу заведовать муниципальной собственностью.

Предшественника Егорова, который до этого сидел на хозяйстве в обкоме комсомола и в органах не служил, а только собирался туда, местные правоохранительные органы хотели вульгарно посадить за всякого рода злоупотребления. Но выяснилось, что он имеет орден за былые заслуги, поэтому его только уволили, чтобы своей муниципальной деятельностью он не

порочил государственный орден.

Когда в городе не без участия Егорова открылся художественный салон, где выставлялись на продажу творения не только заслуженных мастеров кисти, но и полотна любителей, он робко предложил на продажу один из своих незамысловатых пейзажей. Речка, зеленый лужок, солнышко, вдали пасутся коровки... Теплый такой пейзаж, с душой. Художники такого рода работы презрительно называют «яичницей с луком», намекая на зелёную травку и солнечный диск, похожий на желток, но Егорова такие пейзажи успокаивали. А нынешние творцы ему не нравились, он почитал старых мастеров, а перед художником Шишкиным, Иваном Ивановичем, он просто преклонялся. Егоров и подписывал свои картины скромным псевдонимом «Ив. Кедров», чем тайно выражал свою причастность к мастеру - Шишкин и Кедров рифмовались по смыслу.

Иногда Егоров заходил в салон полюбоваться своей работой и не очень расстраивался, что её не спешили покупать. И даже считал это обстоятельство доказательством своего таланта. Однажды, оформив документы одному бизнесмену на аренду помещения с правом выкупа, Егоров услышал от него недвусмысленную фразу: «Чем я вам обязан?» Егоров сгоряча хотел было отчитать обнаглевшего капиталиста, этого «мистера Твистера» за гнусный намек, унижающий честь и достоинство муниципального служащего, пригрозил ему судом. Но тут на него нашло затмение. Егоров представил себе кабинет бизнесмена, где напротив окна с голубыми шторами висит его скромный пейзаж.

- Что вы, что вы! - возразил он каким-то чужим голосом, поражаясь своей беспринципности. - Я просто обязан помогать развиваться малому бизнесу, создавать условия для формирования среднего класса... - И тут он осёкся, переидя почему-то на шепот.

- Но... Хочу дать вам совет, ненавязчивый, конечно, так сказать, эстетического свойства?

- Извольте, Василий Александрович, вашему вкусу я доверяю.

- Понимаете, вы получили в аренду прекрасное помещение, через год станете собственником. И для интерьера на левой, если стать спиной к окну, стене очень даже будет смотреться работа какого-нибудь нашего замечательного местного художника... Например, Ивана Кедрова. Он, кстати, продается в художественном салоне, здесь недалеко. Обратите внимание на «Родные просторы»... Не продается вдохновенье, но холстик можете, так сказать, прикупить... Работа, на первый взгляд, скромная, незаметная, но, знаете, трогает... Каким-то своим интимным, ненавязчивым патриотизмом... Да и автору будет приятно...

На следующий день бизнесмен принёс Егорову товарный чек, из которого

Тамбов. Общий вид съ Маршанской ул.

Мужская гимназия

Александровский Институт

Рим. кат. Костёлъ

Тамбовъ
изъ

Тамбова.

Европейская гостиница

Женская гимназия

следовало, что им куплен пейзаж Кедрова «Родные просторы». Чек сильно смутил Егорова. Нет, не фактом покупки, а именно чеком — вещественным доказательством его продажности.

- Зачем вы так, это было ваше право, но я рад, что вы стали обладателем этой работы. У меня, кстати, тоже имеется полотно живописца Кедрова...

Угрызениями совести Егоров мучился недолго. Через несколько дней он сдал в салон уже семь работ, потом еще пять. И каждому клиенту-арендатору он рекомендовал одно — приобрести полотно художника Кедрова. Для престижа. Желательно предъявить чек. Мол, надо поддерживать свои таланты, у нас должны появиться свои Третьяковы, Морозовы, Щукины. В художественном салоне тайну авторства хранили так же трепетно, как и врачебную, но были несказанно удивлены подскочившим спросом и ценами на картины самодеятельного художника. Егорову стали регулярно звонить из салона и сообщать: ваши работы распроданы, несите еще.

Скоро Егорова-Кедрова стали покупать уже без всяких намеков — он стал модным живописцем. Его полотна дарили столичным гостям, чиновникам из центра, а банк «Благодетель» устроил у себя в операционном зале даже небольшую галерею работ художника Ив. Кедрова. У Егорова появились средства на краски, холсты, на богатые рамы. Всё свободное время он посвящал живописи и даже перестал ходить на «пенэр», как говорили профессиональные художники. Да и незачем было тратить время на загородные прогулки. Он усовершенствовал методы творчества — накупил дорогущих альбомов с репродукциями работ старых мастеров живописи, резал картинки на фрагменты и создавал по ним оригинальные пейзажи, жанровые сцены. Особенно ему удавались старинные замки на берегу залива, отдыхающие нимфы, портреты неизвестных, а также портреты известных полководцев.

Как-то крупный чиновник из столицы, которому Егоров подарил свою картину, заметил в ответном слове: «Работа вашего замечательного русского художника, настоящего певца родной природы и патриота украшает даже кабинет президента». Егорову от такого известия почему-то стало не по себе — защемило в предательской железе. Он-то знал, что прежде водружения картины в кабинете первого лица страны, об авторе узнают всю подноготную. И он был уверен, что налоговая полиция раскрыла не только подлинную фамилию автора, но и его должность. Нет, налоги он платил исправно, поэтому считал свою творческую деятельность честным бизнесом, а чиновникам заниматься творчеством закон не возбранял. Но Егоров был человеком не только честным, но и совестливым, и его постоянно грыз червь сомнения: правильно ли он живет? Не разменивает ли свой талант на презренный металл? Потом посчитал свои сомнения за муки творчества и успокоился.

Но беда пришла с другой стороны. Местный щелкопёр, известный журналист и прохиндей Алексей Глюк опубликовал в газете «Божий мир» обличительный пасквиль «Халтура на потоке» с

подзаголовком «Неравнодушные заметки по поводу творчества Ив. Кедрова». С ехидными вывертами он разобрал творчество «так называемого» художника, прозрачно намекнув при этом, кто скрывается под этим псевдонимом. Работы Кедрова он назвал «постсоветским кичем», а его почитателей — жертвами чиновничьего беспредела. И вроде бы не к месту ввел историю про отставного офицера, который в мрачную эпоху всевластия КПСС уже занимался малым бизнесом, но при этом не платил с нелегальных доходов партийных взносов.

Сгоряча Егоров хотел было обратиться в суд, чтобы защитить свою честь, достоинство и, как водится, деловую репутацию. Того, другого и третьего у него было навалом, и он тут же сел сочинять исковое заявление. Но когда перечитал газетный пасквиль, чтобы уточнить детали обвинения, понял, что у автора в заглавнике есть, так сказать, резервные факты — знает он приёмы этих щелкопёров. А этот стервец, этот Глюка-подлюка сумеет облечь их в такие обидные фразы, что ни один суд не подкапается. Он, видите ли, высказывает своё мнение, а оценка творчества художника всегда субъективна. К тому же история с его малым бизнесом может всплыть верх брюхом, как протухшая рыба. Многие из его похмельных клиентов ещё живы, сейчас водки в стране — залейся, причем торгуют круглосуточно и официально на всех углах. И по этой причине каждый из его бывших клиентов на суде заклеят его как тунеядца и паразита, который пил кровь трудового народа.

Правда, неуплата партийных взносов могла бы сойти за тайный подрыв экономической мощи правящей тогда партии, но этот довод никак не перекрывал всех минусов возможного судебного разбирательства. А что если этот подлюка потребует искусствоведческой экспертизы? И эти крысы музейные его творческое переосмысление мастеров XVII-XIX веков представят на суде как компиляцию? Но ведь могут и плагиатом назвать, а слово «плагиат» пугало Егорова ещё больше, чем «гомосексуализм». И чтобы не искушать судьбу, Егоров написал заявление об отставке. Мэр подмахнул бумагу легко, артистично скорчив мину сожаления. А на торжественных проводах вручил Егорову за добросовестный труд красивую грамоту и микроволновую печь.

А через несколько дней с Егоровым случился апоплексический удар. От него он оправился, но правая рука стала плохо слушаться, и Егоров оставил творчество. Кисти засохли, холсты, ещё не тронутые кистью мастера, покрылись пылью, и только запах льняного масла ещё долго и плотно стоял в его мастерской. А когда второй удар свёл Егорова, к нему, наконец, пришла подлинная слава. Его паспортная фамилия и творческий псевдоним срослись, в картинной галерее открыли зал с его работами, а самой галерее по требованию общественности присвоили имя Егорова-Кедрова. А подозрения, высказанные искусствоведом Петровым при анализе картины «Ложный опёнок», комиссия управления культуры признала клеветническими.

Здания губернского земства в Тамбове

В 2013 году на одном из зданий города Тамбова появилась памятная доска, посвящённая ученому и общественному деятелю Владимиру Ивановичу Вернадскому, который до 1912 года был гласным губернской земской управы (губернского земства). Однако мемориальную табличку почему-то разместили на доме, возведённом позже того периода — в 1914 году (ныне один из корпусов технического университета на улице Советской).

Во времена Вернадского выборный орган, членом которого он являлся, располагался в находившемся по соседству, ныне сохранившемся комплексе зданий. Сейчас помещения губернской управы занимает областной институт повышения квалификации работников образования. Именно здесь, где после государственной реформы 1861 года бывали представители многих известных фамилий, и должна висеть памятная доска, посвящённая Вернадскому. Это подтверждается наличием трёх почтовых карточек начала XX века с различными видами губернского земства разных издателей.

Центральная часть архитектурного ансамбля, расположенного напротив Казанского мужского монастыря, состоит из нескольких зданий, которые были возведены в разные годы XIX века на принадлежавших земству 9, 10 и 11 участках 50 квартала 2 части города Тамбова, которые сформировались ранее.

В 1839 году в Тамбове собрались строить дом для училища детей канцелярских служащих. 25 ноября 1840 года появился указ императора Николая I о переводе из Воронежа в Тамбов этого заведения, а значит, здание к тому времени уже было возведено. На плане Тамбова 1856 года отмечено каменное канцелярское училище, расположенное напротив Казанского монастыря. Неясно, когда заведение закрылось, но известно, что в начале XX века в этом доме с полуколоннами на фасаде размещался сиротский дом. Впоследствии севернее него было пристроено большое здание, которое и занимало земство, а на углу улиц Араповской (ныне М. Горького) и

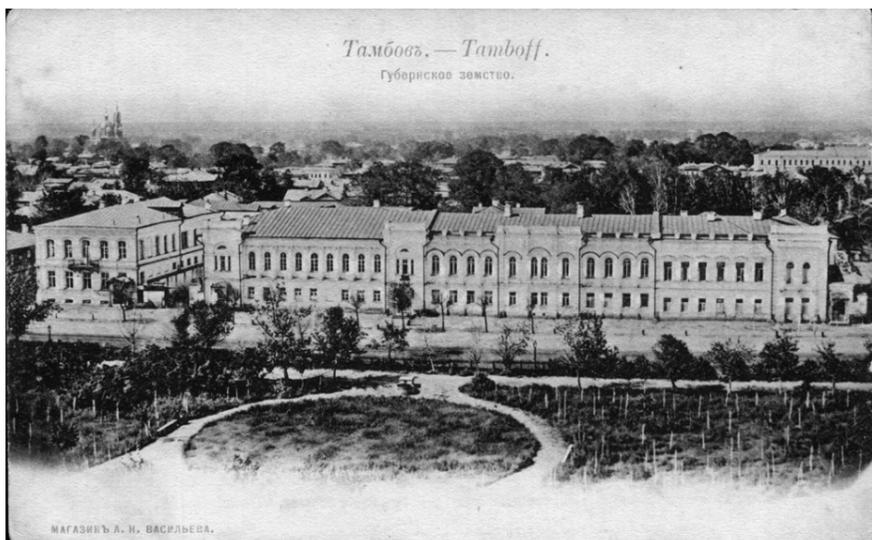
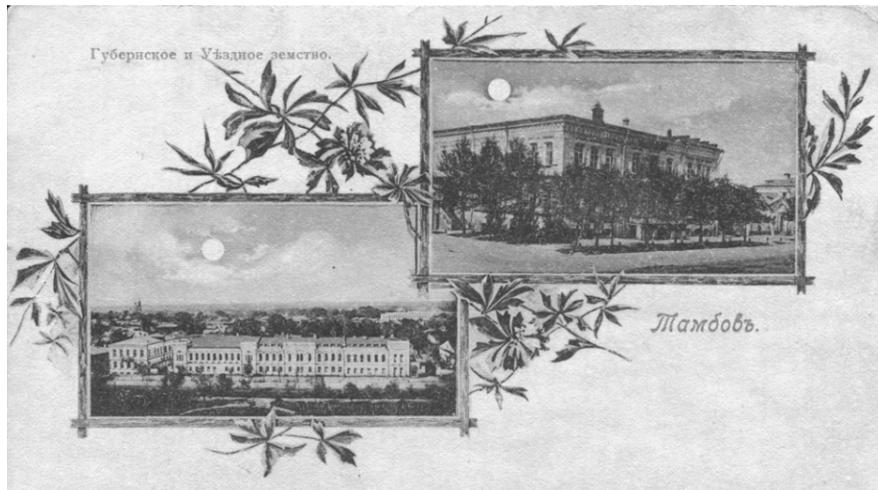

Большой-Астраханской (ныне Советская) разместились типография губернского земства.

В советский период к единому комплексу присоединили бывшее здание женской гимназии, связав их близкой по архитектурному образу постройкой. Так оформился фасад целого квартала, состоящего ныне из охраняемых государством памятников — объектов культурного наследия. То, что на мраморной доске, висящей на одном из домов, говорится, что данный комплекс был построен в XVII—XIX веках, верить тоже нельзя, поскольку каменное строительство, прежде всего, церковное, началось в Тамбове лишь в 1690-е годы, при епископе Питириме, который впервые организовал здесь кирпичное строительство, пригласив московских каменщиков.

В последние годы памятники истории и культуры в Тамбове используются ради проведения мероприятий, приуроченных к какой-либо дате местной истории. Иногда подготовка к такому событию происходит столь поспешно, что зримый результат вызывает недоумение, потому что он вводит жителей и гостей города в заблуждение.

Марина КЛИМКОВА, искусствовед

Алексей ЛИСНЯК, протоиерей, писатель (Воронеж)

Когда Володя Капустин овдовел, ему показалось, что жизнь окончена: сорок семь лет, дети разъехались, с работы сократили, ибо в век инноваций зоотехники никому не нужны — одно к одному. Но хозяйственные хлопоты, как известно, врачуют. Было дело, раньше хлопоты врачевали покойную супругу, теперь же они принялись за его — Володино — исцеление. Он и сам не заметил, как «рана на душе» зарубцевалась, а слёзы высохли: в хлеву у Капустина мычит, в курятнике кудахчет, в закуте хрюкает — всё требует хозяйских рук. И в огороде тоже — не горюй, успевай-поворачивайся.

На полустанке, где сидят с домашним товаром сельские торговки, Володя занял место своей покойницы. Когда из электрички вытекал на платформу охочий до «экологии» дачный народ, Капустин громче соседок провозглашал своё: «Молоко, молоко домашнее! Картошечка, тёпленькая картошечка! Маслице!» Со своей тележкой вдовец проворно суетился и нерасторопные старухи, оказавшиеся вдруг при этом соседстве в финансовой яме, сильно его невзлюбили. Ходили слухи, что бабка Галя, которая торгует прогорклыми семечками, посетила как-то местную шепталку, чтобы та извела конкурента проклятого. Но знахарка, видать, накануне не выпалась и вместо того, чтобы околеть, Капустин смастерил себе тележку больше прежней и расширил ассортимент.

Дом энергичного вдовца приятели теперь обходили. Вечерами одинокий уставший Володя усаживался в кресло, гладил пухлого рыжего кота и смотрел дремотными глазами программу «Время». Однажды сосед привстал на дыпочки, с надеждой посмотрел в Капустинское окно и скис: «Гляди ты, даже и не выпьет! Сбрэндил», — и философски заключил: — «Всё. Нет былого огня в Вовиной крови».

Но огонь в Вовиной крови бушевал! Правда, бушевал, в основном, по ночам, поскольку днём не до огня. После крестьянского дня Владимир зевал, выключал телевизор и вырубался. И снилась ему одинокая дачница Елена Сергеевна, которая проживала в доме с запущенным садом на краю села. Снились её длинные волнистые волосы, её не по возрасту хрупкий стан, её свободное длинное платье и не только. В полночном пруду плавала луна, седина лезла в Володину бороду, зудело ребро. А сны витали над его изголовьем, как в далёкой допризывной юности.

Однажды на улице дачница подмигнула Капустину, Капустин пришёл домой и произнёс: «Женюсь». Кот, дремавший в кресле, приподнял рыжую голову и услышал от хозяйки следующее: «Пойми, балбес, человеку одному на земле противопоказано. По хозяйству одному уже никак. А дети? Дочке отправить надо? Надо. Двум пэтэушникам в общагу надо? Надо. И пирогов домашних хочется. Да и вообще. Сегодня и посватаюсь». Кот зевнул, покачал головой. В его зелёных глазах читалось: «Давай, приводи ещё рот на нашу сметану. Самим мало».

— Приведу, — пообещал Володя.

Актёр Тихонов в известном фильме как-то сообщал, что от людей на деревне не спрятаться, и был прав. Среди торговки на полустанке про Елену Сергеевну поговаривали, что будто бы

на заре она купается нагишом, мяса не потребляет, а вечерами из её окон гундит странная песня, в которой поминаются такие предметы: харя, крыша, снова харя и почему-то рама. Какая такая эта рама, торговки не знали. А ещё у неё временами гостюют лысые друзья. Капустин смекал, в чём дело: сам когда-то живя в общаге сельхозинститута, дружил с бритым наголо лоботрясом Костей. Костя плясал на левой ноге, звенел колокольчиками для донки и горланил «харе Кришна». За прогулы Костю отчислили, а Капустин и без Кости потом ещё долго слушал Гребенщикова и временами Рериха полистывал. И хотя по всему выходило, что Елена Сергеевна «из этих», но ещё одна пара рук в хозяйстве не была лишней, а ночью и вовсе нет разницы из тех она, из этих, или ещё из каких.

Вечером Капустин поборился-собрался, начистил туфли. Долго думал, что взять в качестве гостинца. Сало и окорока, по понятным причинам отпадают, вина-коньяки — тоже. Остаются цветы, вон их сколько в палисаднике, но с ними за двор — никак, старухи закроют. Капустин — практик, решил задачу так: взял сметаны, банку мёда, головку домашнего сыра и, оглядываясь, огородами двинул на край села, где в запущенном осеннем саду стоял домик яркой цветастой дачницы.

К подворью дачницы вела заросшая бурьяном тропа, Володя обстрекался крапивой и нацеплял на штаны репёв. У калитки отряхнулся, оправился. Во дворе некошенный бурьян стоял лесом. «Мужика нет, — убедился Капустин, — а то б скосил». Он толкнулся в калитку, калитка упала. «Починим», — решил Володя и воззвал:

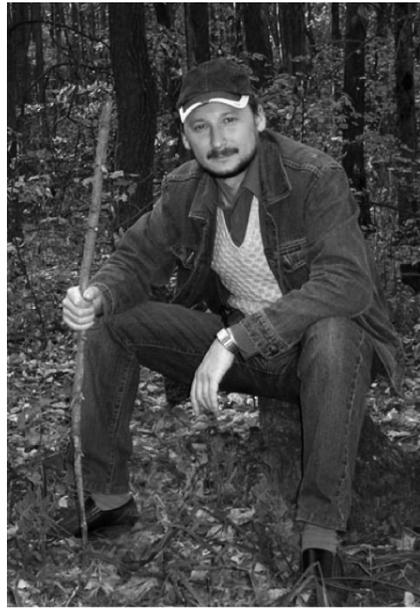
— Хозяйка! Гостей принимай!

Дверь тягуче заскрипела, будто это и не дверь вовсе, а сам дом норовит стать к лесу задом, а к гостю передом. На крыльце показалась хозяйка, одетая, будто давняя студенческая подруга недоучки Кости, что скакала тогда под его рыбацкий колокольчик. Хозяйка поклонилась, её седеющие волосы вблизи не показались Владимиру такими уж привлекательными. Гнилые ступеньки крыльца злоежде скрипели, когда гость поднимался, а одна и вовсе провалилась. Мужика дому не хватало давно.

В комнате назойливым комаром монотонно звенит и постукивает незримый гаджет. В скрипе-постукивании слышна нудная песня про ту самую «харю», о какой судачили на полустанке. С потолка свисают пыльные бумажные гирлянды, с картины пялится страшное синюшное существо. Другая картина а-ля Рерих изображает горы. После срочной службы на Кавказе

Слон забрался в огород

Рассказ

Капустин горы ненавидел. Он считал, что равнина, особенно русская, — это самое живописное явление. Что может быть живописнее майского заливного луга? Или реки? Или луга у реки? В юности Вова искренне недоумевал, почему Рериху всегда требовалось рисовать именно горы, и подозревал у художника расстройство психики.

Владимир подмигнул хозяйке, выложил на стол свои домашние гостинцы и тут же у его ног засуетились две тощие кошки. «Кошки-то совсем чабошные, — отметил Володя, — ничего, откормим». Оглядел хозяйку: — «И её откормим». Сладко-горький дымок струится под закопченным потолком, тускло мерцают свечки, комариным роем звенит нудная песня. Хозяйка жестом Зиты (или Гиты) указала гостю на старомодное кресло, гость сел.

— Знаю, что привело тебя в мой дом, — пропела хозяйка голосом, похожим на голос артистки Касаткиной, что озвучивала чёрную, как гудрон, наставницу индуса Маугли. — Ты ищешь свет, ты ищешь истину.

— Видите ли, Елена Сер...

— Молчи, — перебила Елена Сергеевна и приложила палец к губам, — тиш-ше. Тебя привёл он, — она указала на стену, где синее существо с дудкой, — Сейчас мы будем пить чай, и ты попробуешь торт. Ты любишь торт? Молчи. Ты ещё не знаешь, какой изумительный торт мне привезли.

«Эге!» — подумал Капустин, — «Эта тебе — не вахлачок Костя из общаги. Эта сразу — за рога да в стойло!» А хозяйка продолжила:

— После чаепития тебя коснётся он, —

и указала на синерожее существо.

Володю передёрнуло, он не хотел, чтобы его касалась эта потусторонняя личность.

Хозяйка удалилась. Спустя минуту она внесла залапанные чашки и крохотный тортик. Володя решил, что после чая он и расскажет хозяйке, что пришёл не за какой-то там истиной, а за ней, за Еленой Сергеевной, расскажет, как они с ней заживут. Ведь у него и корова, и прочее, и дом — полная чаша. Всё есть, а хозяйки нет, и принялся жевать торт, отдающий резиной. Первый кусок никак не хотел проглатываться. С трудом Владимир одолел его, и тот — шлёп! — упал в утробу. А следующий кусок шлёпнулся почему-то в голову. В черепе пошёл эхом гулять звон. Потом горы на картине задрожали, и комната завертелась в трёх направлениях. «Э, да она же ведьма!» — подумал Капустин, и его замутило. Захотелось переловить невидимых нудных комаров, захотелось, чтоб заткнулись голодные кошки. Синий портрет с дудкой злоежде выпучил свои добрейшие глаза, раздул ноздри. Хозяйка что-то шептала, прикосалась ко вдовцу одинокими горячими руками, которых было ровно пять. И сквозь огоньки, скрипы, жесты, дудки, сквозь горы и шёпот далёким ветром доносило до слуха Капустина хрюканье голодного Капустинского бора и мычание не доенной Капустинской коровы — самой обыкновенной коровы, не священной, а потому глупой и вряд ли одобряющей священную кулинарную наркоманию. За окнами порозовело вечернее небо. Володя собрал остатки воли, поднялся, приделался в двоящуюся дверь и выскочил на воздух. Раздосадованное синее существо выдохнуло в свою дудку, гора на репродукции уронила камень. Елена Сергеевна ничего не заметила — она пребывала уже не здесь, она спускалась к Великой реке, созерцала круги на воде, оставляла следы на песке и ощущала синее просветление. Мир не трогал её обрахматуренного слуха.

Утром у Владимира Капустина трещала голова и ломало суставы. Так всегда бывает. Сердобольная вдовая соседка Валя кружилась по Капустинскому хозяйству. Управилась с Капустинской Зорькой и теперь хлопотала на кухне, гремела посудой. В доме пахло мятой и чабрецом. Поцокивали ходики, потягивался и зевал рыжий кот. Володя лежал с мокрым полотенцем на голове, которое гасило вчерашнее эхо, без интереса щёлкал пультом, переключал каналы. Крышу мыл сентябрьский дождь и радости на свете не было. Володя листал каналы, с отвращением вспоминал

вчера... и думал о своей нынешней помощнице-соседке. Сколько раз она выручала. И с поминками... тогда... когда это... Сам много ли успел бы? И когда к детям в город отлучиться, она за его скотиной приглядит. И вот сейчас. А оно ей надо?.. Пусть она и не яркая, как та, пусть не умеет наряжаться. Ну и что? Сам тоже ведь давно уже не тово-этово. А она и пироги умеет, и возится тут с ним, хворым...

Володя снова щёлкнул пультом и влип в экран, и даже привстал на постели: показывали Индию! Леся и Бедняков рассказывали о просветлённых индусах и показывали их. В телевизоре трясли перед камерой своей голой непосредственностью голодные рахитные ребятишки, в грязной лохани грязная женщина полоскала грязное бельё. Мухи облепили нечто прямо посреди тротуара. Потом показывали столичный вокзал. Там граждане бомжеватого вида штурмовали побитую электричку и топтали друг друга босыми ногами. Капустин позвал соседку и ткнул в экран — гляди! На городском бульваре что-то подбирал из-под грязных прохожих ног и совал в свой беззубый рот косматый старик. Поодаль макаки вычёсывали блох и переругивались на своём макакачьем наречии. А над всем этим житьём-бытьём, с фасада единственного приличного здания английской постройки застенчивый синий Кришна благословлял дудкой своих верных просветлённых подданных.

— Гляди ты, — вздохнула соседка, — а посмотришь ихние фильмы, так сплошной праздник с танцами. А у самих вон, вон, гляди — слон забрался в огород!

— Это не огород, — сказал Капустин, — нет у них огорода, просветлённые они. Это он так просто шастает, улицу удобряет.

— Ох, смотри до чего народ-то чабошный, то-ощий! Да в их климате можно было б три раза в год картошку копать! А они...

Рядом с людьми паялился в телевизор рыжий кот. Может быть, ему нравился слон, может быть, маргышки. Никто в мире не знает, что творится в маленькой кошачьей голове при виде слона и маргышек...

Включилась реклама.

Володя сорвал с головы повязку: «Просветлённые, туды их!»

...А потом в телевизоре сказали, что в следующей серии Леся и Бедняков отправятся теперь к другим просветлённым гражданам, в соседнее королевство Непал, прямо в его столицу, в Катманду. Это слово Капустина согрело:

— Точно! В Катманду! Туда вам и дорога, — имея в виду свою вчерашнюю неудавшуюся невесту и всех её коллег по просветлению и кулинарии, сказал Володя Капустин. И повторил: — В Катманду.

По-прежнему шумел по крыше дождь, сидела рядом потрясенная слонами соседка Валя. Где-то у дальнего пруда мок под дождём пастух, и жевали печальную осеннюю траву Вовина и Валина коровы.

Головная боль поменьше отпускала.

Современное образовательное пространство открывает уникальные возможности для сотрудничества и сотворчества учителя и ученика. Очень важно сегодня воспитывать творческое сознание, поддерживать и направлять талантливых детей. Совместный проект «Рассказ-газеты» и редакции газеты «Мудрая сова» МАОУ «Лицей № 21» Тамбова — это шанс для начинающих поэтов поверить в себя, а для взрослых людей — окно в мир совсем — не детского мышления подростка 21 века.

Ольга **ФОМИЧЕВА**

Крепко сжав золотое кольцо,
Шагаем, обнявши сумку с ничем.
Только где-то в стороне от теней,
В объятьях два солнца дарили тепло,
Смеялись, мечтая о счастье семей.
Кому-то с ними так повезло...
Их не волнуют налоги в стране,
Их не волнует свой гороскоп —
Они дарят свет, сгорая в огне.
Они разрушают серый поток.
Улыбайтесь чаще, забыв про дела.
И даже если «все дни сочны»,
Мысли живут везде и всегда.
Хватит стесняться! Будьте людьми!

Екатерина **ОРЛОВА**

Юности строки

Глаголы-исключения

Гнать, держать и ненавидеть,
Весь народ сковать в узде.
Результат мне очевиден:
Все предстанут на суде.
Но смотреть, от них зависеть —
Что мучительней душе?
Перехватят кучи писем,
Нас поймают, как мышей,
И вертеть планетой станут,
Как хотят. Им нас обидеть
Ничего не стоит. Стянут
Петли в мнений геноциде.
И дышать не сможем грудью,
Лишь останется хрипеть.
Суждено безмолвным людям
Видеть, слышать и терпеть.

Свобода

«Свобода!» — шепчут корабли,
«Свобода!» — вторит воздух.
Свобода ждёт меня вдали,
Как после странствий — отдых.
Свобода пахнет, как цветы,
И зеленеет цветом.
Свобода — горные хребты
И речка тёплым летом.
Свобода — спелый мандарин
И розовая груша.
К свободе не идёшь один,
А другом греешь душу.
И будь то пышный куст цветов
Иль камень придорожный,
Свобода — в них, мир без оков!
Свободным быть несложно.

Татьяна **РОДИОНОВА**

***

Медленно кисть выводит узор на холсте.
Голубой помадой стало нежное масло.
С каждым движеньем — ближе к мечте.
Как жаль, что рисую картины нечасто.
Когда кто-то стоит за спиной, обнимает,
Так хочется доброту и тепло нанести.
Когда кто-то каждому шагу внимает,
С картиной может душа зацвести.
Мазок за мазком ложатся слои чувств.
Яростно-красный — любовь, зелёный — семья.
И вот на картине — закат, на губах — вкус уст.
Как хочется создавать, когда греешь меня!
За каждым шедевром — вечно двое людей.
За каждым стихом, за зарисовкой
Есть чувства, от которых сотни идей.
Надеюсь, ты чувствуешь счастье, а не издёвку.

***

Был прохладный туманный октябрь,
А дальше, наверное, после дождей
Пришёл бы морозный тоскливый ноябрь,
И сердце с погодой стало бедней...
Укутав вязаным шарфом лицо,
Хладно пройдем мимо проблем.

***

Что можешь дать ты миру, кроме своей любви?
Всё до тебя открыли, были везде корабли.
Сотни огняных закатов расцвели волны кудрей,
Сокрыли опавшие листья следы беспокойных дней.
Воет ночами вечность, тёмную пасть разевая.
Холодно, холодно вязам и дремлющей птичьей стае.
И не согреет пламя — пышут тонкие ветви.
Их гасят своим дыханьем морозы: уже окрепли.
Осень — тихая музыка в ритме капель о стёкла.
Небо хранит печали и, словно сны, поблёкло.
В чертах острее стрелы таятся своя краса,
Я нежно целую гаснущие багряные уста.

***

Воздух пахнет тлением, мысли — декадансом.
Город обессилен долгим летним пьянством.
Золото расплавилось, небо стало белым.
Потонули крыши в нём, здания и скверы.
Осень терпким чаем залила весь город.
Чтобы разрыдаться, ей не нужен повод.
Всхлипывает тихо, рыжая красавица,
Только, жаль, не знает, как она мне нравится.

Ксения **КОТЧЕНКО**

Тамбовь.

Общий вид с запада.

Тамбовь.

Женская Гимназия.

Магазин П. С. Москалева.

Картинки из глубинки

В Тамбовской областной Думе открылась выставка фотокорреспондента Павла Васильева «Ровесники области». Участниками проекта стали люди из городов и районов тамбовского края. Но сегодня мы хотим представить читателям «РГ» другой проект этого талантливого фотохудожника — «хор профессий». Павел Васильев предоставил нам не просто снимки участников легендарного Черняновского народного хора имени Марии Мордасовой, а связал их с трудовой деятельностью. Среди хористов представители самых разных профессий: участковый, ветеринарный врач, социальные работники, учителя, библиотекари и многие другие. К сожалению, мы ограничены объемом одной полосы, поэтому представить весь «хор профессий» не получится, но главное фоторепортаж отражает колорит уникального коллектива, который был основан в 1919 году.

Павел Васильев, фотокорреспондент АО «Издательский дом «Мичуринск». Его фотоработы можно увидеть на первых страницах региональных и федеральных печатных изданий. Победитель и призер различных всероссийских фотоконкурсов, автор документальных проектов, которые экспонировались в Эрмитаже в Санкт-Петербурге. В 2013 году в Тамбове была организована персональная выставка его работ.

В последние годы численность Черняновского хора — 25 человек.

Федор Черняновский, в хоре более 30 лет, из них 11 лет руководит творческим коллективом. 14 лет проработал в должности главы сельсовета.

Татьяна Едапина, социальный работник. Любовь Шлыкova, одна из её подопечных. Двадцать лет с мужем они пели в Черняновском хоре.

Любовь Соболева, ветеринарный врач. Более 40 лет в коллективе.

Владимир Солопов, социальный работник. Около 20 лет — солист хора, увлечен глиняной скульптурой.

«МОЯ КНИГА»

- Книги для детей и взрослых
- Канцелярия в ассортименте,
- Подарочные издания, сувениры

- Краеведение, ретрооткрытки
- Наборы для детского творчества
- Развивающие игры.

Мы ждём Вас по адресам:

ул. Советская, д. 11
тел.: 8-900-495-79-35
ул. Ореховая, д. 7
тел.: 8 (4752) 58-31-61

После прочтения рекомендуется сохранить номер газеты и передать его другому читателю.

**Рассказ-
газета**

Отпечатано в типографии
ОАО «Издательский дом
«Мичуринск»:
г. Мичуринск, Тамбовская область,
Липецкое шоссе, 5

Тираж 999 экземпляров.
Заказ №.
Распространяется бесплатно.
Точка зрения редакции может
не совпадать с мнением авторов
статей.

Редактор О.В. АЛЁШИН

Телефон: 8 953 718 1322